

С. Н. Грановский
Теморичские
характеристики



Тимофей Николаевич Грановский
Андрей А. Левандовский
В. Л. Семигин
Исторические характеристики
Серия «Разумное поведение и
язык. Language and Reasoning»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9608794

Т.Н. Грановский. Исторические характеристики: Рукописные памятники Древней Руси; Москва;
2013

ISBN 978-5-9551-0532-1

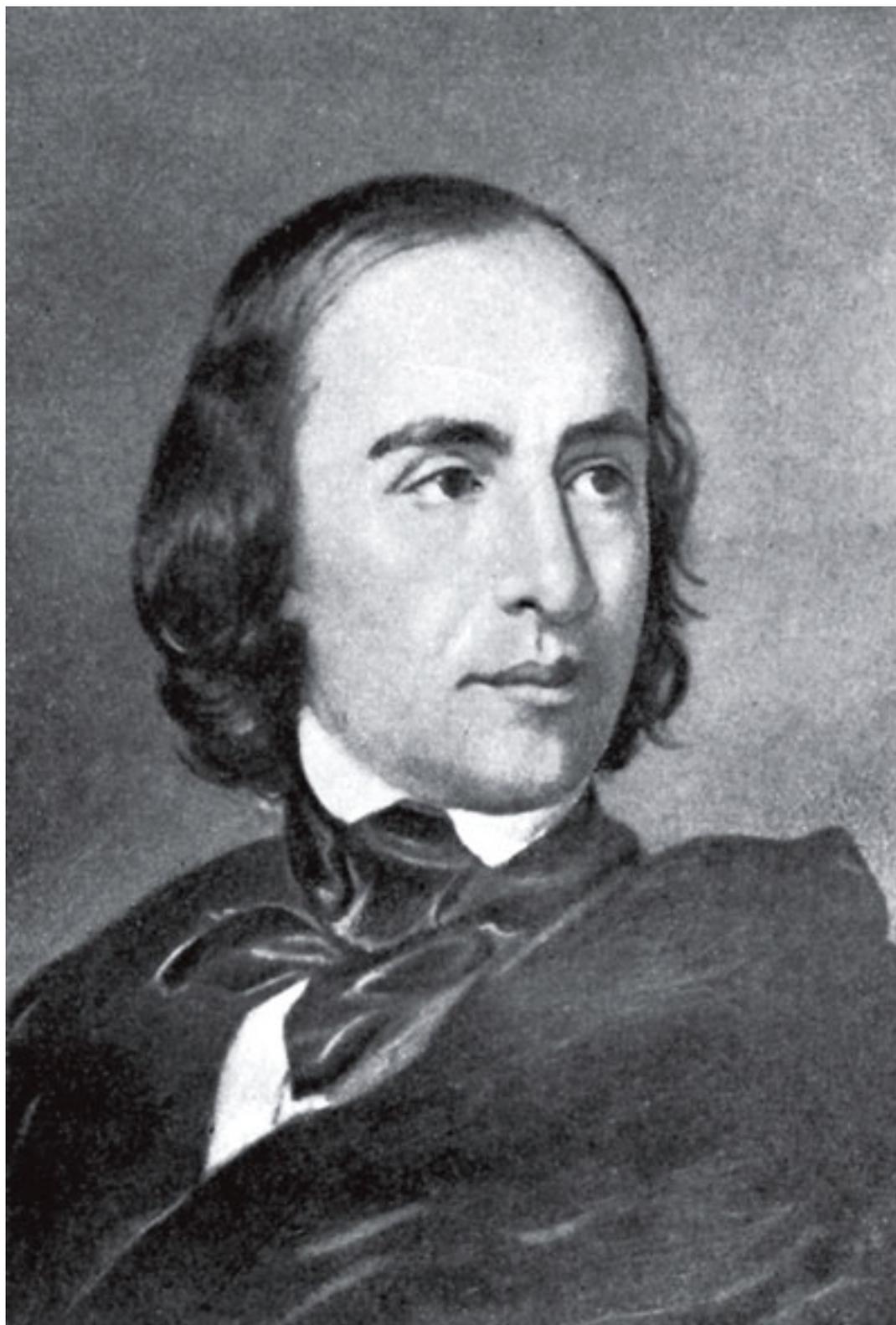
Аннотация

В книге историка, профессора Московского университета Т. Н. Грановского (1813–1855) представлены забытые и малоизвестные широкой публике работы по истории Западной Европы в Средние века и Новое время: публичные чтения 1851 г. о Тимуре, Александре Великом, Людовике IX и Фрэнсисе Бэконе, а также статьи 1845–1847 гг., написанные для различных популярных изданий.

Книга адресована историкам, филологам, философам и всем, кто интересуется историей Западной Европы, историей научной и общественно-политической мысли в России XIX в.

Содержание

Зачем нужна история, или Феномен Грановского	6
I. Публичные чтения	16
Чтение первое. Тимур	17
Чтение второе. Александр Великий	28
Чтение третье. Лудовик IX	43
Конец ознакомительного фрагмента.	55



Т. Н. Грановский
Исторические характеристики

© Рукописные памятники Древней Руси, 2013

© Составители, 2013

Сост.: А. А. Левандовский и В. Л. Семигин; вступит. статья А. А. Левандовского; подгот. текста и примеч. В. Л. Семигина.

* * *

Публикуемые тексты Т. Н. Грановского приближены к нормам современного русского языка. Имена и географические названия приводятся в авторском написании, века – римскими, годы – арабскими цифрами. Явные ошибки исправлены без оговорок. Все подстрочные примечания в текстах принадлежат Т. Н. Грановскому.

Составители сборника выражают глубокую признательность П. Л. Котову, Д. А. Лунгиной, С. И. Лучицкой, Е. Н. Мухиной, А. Л. Смышляеву и Б. Л. Хавкину за помощь в подготовке данного издания.

Зачем нужна история, или Феномен Грановского

Вопрос: «Зачем нужна история?» – рано или поздно встает перед тем, кто к ней, к этой самой истории, относится хоть сколько-нибудь серьезно. Еще древние маялись... Ответов – целая россыпь, самых разных, нередко диаметрально противоположных. Для Тацита, например, история, должным образом изложенная, – бесценный учитель жизни; Гегель, напротив, к подобным «урокам» относился с откровенной насмешкой, считая, что «бледный призрак истории» бессилён противостоять напору действительности... Выбор, в общем, богатый. Но в поисках истины я хотел бы обратить внимание читателя на одно произведение, совершенно не научное, но зато в высшей степени художественное.

Речь идет о рассказе А. П. Чехова «Студент». Предельно кратко напомним его сюжет: студент духовной академии, приехавший погостить к отцу, сельскому дьячку, бесцельно бродит по окрестностям родной деревни. Антураж самый чеховский: глушь, безлюдье, пронизывающий холодный ветер; в памяти – простудившийся отец, кашляющий на печи, босая мать, занятая скудным хозяйством... Настроение – соответствующее: героем владеет тоска безысходности, тоска, поистине, космическая или, по меньшей мере, историческая... «... Пожимаясь от холода, студент думал о том, что точно такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иване Грозном, и при Петре, и что при них была точно такая же лютая бедность, голод, такие же дырявые соломенные крыши, такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнета – все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше. И ему не хотелось домой»¹.

В таком-то ужасающем настроении студент подсаживается погреться к костерку, разведенному на огородах, и вступает в разговор с их хозяйками – вдовой и ее придурковатой, забитой мужем дочерью. Собственно, это даже и не разговор... Героя, очевидно, неожиданно для него самого, повело на монолог: он начинает вспоминать «точно такую же холодную ночь» в Гефсиманском саду – ночь начала крестных мук Христовых, ночь предательства Иуды и отречения Петра. Именно об этом, о предсказанном Христом отречении, о скорби не выдержавшего испытания апостола, о его душевных терзаниях и рассказывает студент, не столько даже бабам, сколько самому себе: «И исшед вон, плакася горько...» И вдруг видит: плачут и бабы... Значит, коли так, эта история тронула их – и дело не в его, студента, красноречии: то, что много веков назад происходило с одним из учеников Христа, находит в душе слушательниц живой отклик – все это герой рассказа осознает, попрощавшись с бабами и уходя от костра. Уже в совершенно другом настроении... «И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошрое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой»².

Лучше, по-моему, не скажешь. В этом маленьком рассказе Чехов очень ясно и точно определил значение истории: она приобщает человека к человечеству. История позволяет бессмысленно влачащему дни одиночке связать свое настоящее с общим прошлым и, тем самым, ступить на общий для всех путь, ведущий в будущее. Конечно, можно жить и без осознания своей причастности к великому целому; так жили и живут миллионы. Но ведь это не жизнь – существование... И, может быть, весь пафос чеховского рассказа заключается в утверждении, что глубинное ощущение связи человека с человечеством присуще каждому из нас. Чуть подтолкнуть... Характерно, кстати, что сам Чехов в ответ на традиционные

¹ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 8: Рассказы. Повести: 1892–1896. М.: Наука, 1986. С. 306.

² Там же. С. 309.

упреки в пессимизме ссылался именно на этот рассказ: какой же, мол, я пессимист, если «Студента» написал...

Я обращаюсь к этому шедевру не только потому, что в нем содержится ответ на поставленный в заголовке вопрос; видится мне в чеховском студенте некий аналог с человеком, упомянутом все в том же заголовке... Мне представляется: было время, когда профессор Московского университета Тимофей Николаевич Грановский играл по отношению ко всему русскому обществу примерно ту же роль, что и студент – у костерка, на огородах...

* * *

В 40-х годах XIX века – в эпоху, которую один из ее летописцев П. В. Анненков совершенно справедливо назвал «Замечательным десятилетием» – Грановский пользовался популярностью, поистине, феноменальной.

Прежде всего у студентов Московского университета, одним из важнейших явлений в истории которого стали именно его лекции, – на них, кстати, Тимофею Николаевичу свойственно было опаздывать. «...Четверть часа уже прошла после звонка. Вся аудитория в каком-то ожидании. Разговоры смолкли, и все вышли на лестницу, ведущую в аудиторию. “Будет ли?” – говорит один из студентов. – “Будет”, – отвечает другой. – “Должно быть, не будет”, – заявляет третий, смотря на часы. – “Приехал!” – кричит снизу швейцар, как будто отвечая на нетерпеливое ожидание. – “Идет...” – и вся толпа двинулась в аудиторию, все спешат заполнить места. Глубокая тишина воцарилась в зале»³. В этом, согласитесь, искусственном и очень живом отрывке из воспоминаний бывшего студента Московского университета прекрасно передано отношение слушателей к своему профессору; его, я думаю, оценят все, кому приходилось стоять на кафедре: лекторов крайне редко ждут с таким нетерпением... Грановского ждали подолгу, причем аудитория практически всегда была забита до отказа – на его лекции ходили студенты самых разных факультетов, включая медиков. Слушатели сидели на подоконниках, на ступеньках кафедры...

Студенческой средой популярность Грановского не ограничивалась. Осенью 1848 года, благодаря содействию С. Г. Строганова, попечителя Московского учебного округа, расположенного к прогрессивно настроенной «молодой профессуре», удалось организовать публичные чтения Грановского – и они произвели настоящий фурор в общественной среде. А. И. Герцен, очень переживавший за своего ближайшего друга, с восторгом писал в частном письме под свежим впечатлением от начала чтений: «...Москва отличилась, просто давка, за ¼ часа места нельзя достать, множество дам du haut parage⁴, и все как-то кругло идет...»⁵.

Конечно же, в этой аудитории среди «дам всех возрастов, профессоров, студентов, статских, военных» было немало случайных людей – и тем не менее... Успех Грановского-лектора оказался устойчивым; между ним и слушателями, по словам того же Герцена, сразу установилась некая «магическая связь, с обеих сторон деятельная». К концу лекций, длившихся пять месяцев, аудитория все так же ломилась от народа, а тот фурор, который поначалу почти неизбежно должно было произвести такое небывалое в России по тем временам событие, как публичные чтения, перерос в устойчивый, одушевленный интерес, если можно так определить настроение, выражавшееся в периодических взрывах энтузиазма и на последней лекции разрешившееся «безумным, буйным восторгом»⁶.

³ Отечественные записки. 1858. № 8. С. 89–90.

⁴ Из высших сфер (*фр.*).

⁵ Герцен А. И. Письмо Н. Х. Кетчеру (2–3 декабря 1843 г.) // Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 22: Письма 1839–1847 годов / Ред. Ю. Г. Оксман и Л. М. Долотова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 159–160.

⁶ Пассек Т. П. Из дальних лет. Воспоминания: [В 2 т.]. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литера-

Подобный ажиотаж вокруг лекций Грановского, что университетских, что публичных, конечно же, нуждается в объяснении – тем более что целый ряд обстоятельств изначально был явно не в пользу лектора. Начать можно с тематики: Грановский был ученым-медиевистом, то есть в сферу его интересов входила, прежде всего, история Западной Европы Средних веков. Завершался лекционный курс Грановского обычно XVI–XVII веками – связь с жизненно важными проблемами, которые могли волновать россиян в середине XIX века, просматривается здесь, согласитесь, слабо... В то же время Грановский никак не мог претендовать на звание «великий ученый»: в сфере академического знания его наследие занимает достаточно скромное место; даже самые восторженные почитатели, которых у профессора было много, не рисковали называть его имя в ряду тех, кто прокладывал новые пути – «задавал новые дискурсы», если использовать современную терминологию. Грановский прекрасно знал западноевропейскую научную литературу, широко использовал ее достижения в своих лекциях, статьях, очерках – но не более того.

В результате, казалось бы, напрашивался ответ, который с удовольствием подсказывали недоброжелатели – их у нашего героя тоже хватало: Грановский всего лишь «артист на кафедре», лицедей, умело транслирующий чуждые знания. Если принять эту подсказку за истину, то из нее почти автоматически следует: значит, все дело «в блестящей, отточенной формуле», во внешних эффектах лекторской манеры – о сколько-нибудь значительном содержании лекций в этом случае говорить, очевидно, не приходилось. Ну и вывод напрашивался сам собой: Грановский – фигура дутая, вся его преподавательская и научная деятельность – вредна. В обширной литературе, посвященной Грановскому, было, кстати, целое направление, представители которого упорно отстаивали эту точку зрения⁷.

Между тем кажется очевидным, что достаточно было хотя бы раз со вниманием и без предубеждения прослушать лекцию Грановского, чтобы убедиться в полной несостоятельности этой характеристики: «артист на кафедре». И дело здесь было не только в том, что ни в природных данных Грановского, ни в его манере держаться на кафедре не было ничего такого, что обычно связывают с понятием «артистизм». Скорее, напротив: у профессора был слабый, глуховатый голос и плохая дикция (отсюда дружеское прозвище: «шепелявый профессор»). Лекции Грановского держали слушателей в постоянном напряжении: в аудитории должна была стоять полная тишина. Она и стояла... Что же касалось эффектных ораторских приемов, то Грановский не терпел их *принципиально*. В одном из писем, написанных в самом начале преподавательской деятельности, рассказывая близким друзьям о том, как он готовится к лекциям, Грановский особо отмечал: «При изложении я имею в виду пока только одно – самую большую простоту и естественность... Даже тогда, когда рассказ в самом деле возьмет меня за душу, я стараюсь охладить себя и говорить по-прежнему»⁸. Предельная искренность при полном отсутствии позы – вот то, что прежде всего характеризовало лекторскую манеру Грановского.

Но главное, повторюсь, все же не в этом: «внутренние эффекты» отсутствовали в лекциях и научных работах так же, как и внешние. Ни неожиданных трактовок, ни ярких личностных характеристик, ни смелой актуализации исторического материала... В наше время, когда представление о лекционных курсах Грановского складывается лишь на основе несовершенных студенческих записей, они вообще могут показаться скучными. А народ, между тем, на эти лекции валом валил, аудитория была забита; что же касалось публичных чтений,

туры, 1963. (Серия литературных мемуаров). С. 304.

⁷ См.: Левандовский А. А. Либерализм как свойство личности (Образ Т. Н. Грановского в пореформенной публицистике) // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 233–243; см. также: Левандовский А. А. Железный век. М.: Арбор, 2000. С. 67–74.

⁸ Т. Н. Грановский и его переписка: [В 2 т.]. Т. II: Переписка Т. Н. Грановского. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1897. С. 366.

то совершенно не разделявший взглядов Грановского П. Я. Чаадаев назвал их «явлением историческим» – и возразить ему было некому... Значит, были у этой потрясающей популярности «шепелявого профессора» какие-то серьезные, глубинные причины.

* * *

Очевидно, что поставленный вопрос не решается вне контекста эпохи Николая I, на которую пришлось почти вся сознательная жизнь Грановского. А эпоха эта достаточно сложна для понимания, особенно в наше время; лет тридцать-сорок назад, при так называемом застое, разобраться в ней было, пожалуй, попроще...

Если попытаться вкратце, избегая лишних подробностей, определить особенности того времени в интересующем нас ракурсе – а это, прежде всего, взаимоотношения власти и общества – то мы придем к следующему. Власть в форме официальной идеологии – пресловутой «официальной народности» – постулирует ряд достаточно жестких требований по отношению к своим подданным. Эти требования обосновывались необходимостью для каждого россиянина, вне зависимости от его социального, имущественного и служебного положения, строго соответствовать – делами, мыслями, чувствами – самодержавной государственности и православной конфессии, каковые провозглашались идеалом бытия – материального и духовного – для русского народа. С помощью официальной идеологии, направленной на сохранение существующего положения вещей, власть настраивала своих подданных на верное служение престолу и церкви, стремясь пресечь любые поползновения к самостоятельному суждению, критике и уж тем более – к переменам принципиального характера.

При этом, хотя формально объектом воздействия «официальной народности» были действительно все слои населения – народ, в самом общем смысле этого слова, – хорошо известно, что она разрабатывалась, *прежде всего*, для противодействия очень незначительной части этого народа: тем, кого бессменный управляющий III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии Л. В. Дубельт иронически называл «нашими передовыми людьми»; тем, кого А. И. Герцен, один из лидеров этой общности, очень серьезно называл «образованным меньшинством». В глазах наиболее последовательных представителей власти именно это меньшинство являло собой самую серьезную внутреннюю угрозу «величию и спокойствию» Российской империи: оно играло роль чуть ли не единственного шлюза в «умственных плотинах», воздвигаемых правительством Николая I; шлюза, через который в Россию проникали элементы европейской культуры и просвещения – с позиций официальной идеологии глубоко чуждые русскому народу и именно потому чрезвычайно опасные для него.

Особо следует отметить то, что нередко теряется из виду: в эту очень своеобразную эпоху правительство тревожили, пожалуй, не только и даже не столько какие-то конкретные «лжеучения», идущие из Европы, как это было впоследствии – коммунизм, анархизм и еще что-нибудь в этом роде. Было очевидно, что с любыми откровенно антиправительственными настроениями, возникающими в среде «образованного меньшинства», сильная и очень решительно настроенная государственная власть во главе с Николаем I справится быстро и без особых проблем. Ее представителей в это время все больше тревожит нечто менее определенное и потому трудно уловимое: то, что, опять-таки, употребляя современную терминологию, можно было бы назвать проявлением черт западноевропейской ментальности в русском образованном обществе. С позиций официальной идеологии очень серьезная, пусть и скрытая угроза устоям выражалась, например, в приоритете, отдаваемом разуму перед верой; или в отрицании авторитетов в любых сферах бытия; или в критическом отношении

к действительности, постоянном подчеркивании чувства собственного достоинства и тому подобное.

Наверное, нет необходимости говорить о том, почему проявление подобных черт раздражало и пугало власть, опиравшуюся именно на веру и авторитет, и потому не выносившую критики и проявления личного достоинства у своих подданных. То, что все эти опасные черты порождает именно европейское просвещение, в эпоху Николая I не вызывало у представителей власти никаких сомнений. И не случайно официальная идеология, одной из главных задач которой было противостоять подобной «европеизации» русской образованной среды, вырабатывалась и отлаживалась именно в стенах Министерства народного просвещения. Правительству предстояло бороться за новые поколения русской образованной молодежи, и противостояли им в этой борьбе те представители «меньшинства», для которых вышеназванные постулаты европейского просвещения стали определяющими. Грановский занимал среди них место в первых рядах.

Таким образом, в эпоху Николая I противостояние между властью и ее оппонентами выражалось внешне не столько в открытой идеологической борьбе, сколько в сфере общих понятий, подходов к окружающей действительности, морально-этических принципов. В сущности, в это время в России развернулась борьба двух систем воспитания. Задачей одной из них было сформировать знающего, дельного, но несклонного рассуждать исполнителя «предначертаний высшей власти»; задачей другой – пробудить в человеке неповторимую индивидуальность, помочь ему стать личностью, способной к самостоятельному, критическому восприятию «города и мира».

Только при подобном подходе к интересующей нас эпохе становится ясно то, что практически невозможно понять вне ее контекста: каким образом ученый-медиевист, университетский профессор, *никогда и ни в чем не отклонявшийся от своих профессиональных занятий* стал одним из самых авторитетных лидеров общественной оппозиции и кумиром нескольких поколений русских образованных людей.

Грановский оказался удивительно адекватен эпохе – потому, собственно, он и остался в истории одним из самых значимых ее символов. Надо думать, такой человек и в другие времена был бы популярен – в узком университетском кругу, например, любим студентами, уважаем в обществе, но более того – едва ли... Ведь, повторюсь, Грановский не был гением, поражающим своей интеллектуальной и творческой мощью. Но он, как мало кто другой, сумел понять потребности времени и откликнуться на них, не выходя из своей профессиональной сферы – с поразительными результатами.

* * *

При всей широте эрудиции Грановского, прекрасном знании исторической литературы и других подобных качествах, главным достоинством его преподавательской и научной деятельности было, несомненно, восприятие истории как единого процесса развития, происходящего по определенным законам. Большую часть своей жизни и деятельности Грановский был убежденным *гегельянцем*, именно с позиций этого философского учения он читал свои лекционные курсы и писал научные труды⁹.

⁹ Лишь в начале 50-х годов XIX века, под конец жизни, Грановский начал относиться к гегельянству критически; его все больше увлекал позитивистский подход к истории, сближавший исследование ее с естествознанием. Эта позиция отразилась, в частности, в речи «О современном состоянии и значении всеобщей истории», публикуемой в приложении к данному сборнику. На преподавательскую и научную деятельность Грановского новое увлечение, впрочем, как мне представляется, серьезного влияния не оказало. См. подробнее: *Левандовский А. А.* Т. Н. Грановский в русском общественном движении. М.: Издательство Московского университета, 1989. С. 210–214.

«Гегелизмом» Грановский страстно увлекся в 1836–1838 годах, когда проходил стажировку и готовился к профессиональной деятельности в Берлинском университете – вскоре после окончания Петербургского, учеба в котором, по собственному признанию историка, не дала ему почти ничего. Как личность и как ученый Грановский сформировался именно в Берлине под влиянием немецкой профессуры, в частности, К. Вердера, ученика Гегеля. Но больше всего пользы он извлек, очевидно, из самостоятельного изучения трудов знаменитого философа.

То огромное значение, которое гегельянство сыграло в становлении Грановского-историка, ясно видно из его переписки, особенно из писем к приятелю по Петербургскому университету В. В. Григорьеву. Из них следует, что в первый год своей стажировки Грановский пережил серьезный духовный кризис: он начал свое приобщение к европейской науке с интенсивного изучения исторических источников и монографий – и вскоре впал в тоску... Монотонная, не «скрепленная идеей» работа заставила начинающего ученого всерьез усомниться в познавательных возможностях избранной им науки. Стоит ли вообще заниматься историей, если она не дает ничего, кроме груды разрозненных фактов и отдельных, не связанных друг с другом соображений по их поводу? Этот вопрос всерьез мучил Грановского; позже, в письме к Григорьеву он вспоминал, что «чуть не сошел с ума, видя невозможность добиться дельного ответа». И в том же письме он давал совет приятелю, находившемуся в схожем состоянии духа: «Займись, голубчик, философией <...>. Учись по-немецки и начинай читать Гегеля. Он успокоит твою душу». Именно в трудах немецкого философа Грановский нашел «скрепляющую идею», которая, в его глазах, придала истории смысл, превратив ее в достойнейший предмет изучения. И впоследствии, особенно в первые годы своей деятельности в Московском университете, Грановский апеллировал к великому философу постоянно. Недаром все в том же письме Григорьеву он писал: «Есть вопросы, на которые человек не может дать удовлетворительного ответа. Их не решает и Гегель, но все, что *теперь* доступно знанию человека, и самое знание у него чудесно объяснено»¹⁰.

Под влиянием гегельянского восприятия истории Грановский определил и свое место в жизни. От работы над магистерской диссертацией, которая, по идее, должна была стать главным результатом его учебы за границей, он пока отказался¹¹. «Исторического сочинения сообразного моим требованиям, – писал Грановский, – я не могу написать. За материалами дела не станет, придать им художественную форму у меня не достанет силы»¹². Между тем у Грановского под влиянием Гегеля складывается твердое убеждение, что, не разобравшись *в целом*, нельзя браться за частности; не осознав до конца глубинный смысл истории, не поняв *закономерности исторического процесса*, не стоит разрабатывать конкретную тему – толку все равно не будет. Становиться сугубо академическим, узко специализированным ученым Грановский не желал. «Мне хочется работать, но так, чтобы результат этой работы был полезен другим», «работать только для себя мне скучно, мне нужна *живая* (выделено мною. – А. Л.) деятельность», – подобные замечания постоянно мелькают в его переписке берлинских лет¹³.

Формируя в это время свою личную систему ценностей, Грановский безусловный приоритет отдавал не исследовательской работе, а «профессорству»: чтению лекций, посвященных истории в целом, и живому общению со студентами. Вот где можно было связать воедино «ключки знаний», постичь истину самому и открыть ее другим! «Хочу, – писал Гра-

¹⁰ Русская беседа. 1856. № 4. С. 12–14.

¹¹ Магистерскую диссертацию «Волин, Иомсбург и Винета» Грановский защитил только в 1845 году, через пять лет после возвращения из Берлина; докторскую – «Аббат Сугерий» – в 1849 году.

¹² Т. Н. Грановский и его переписка: [В 2 т.]. Т. II: Переписка Т. Н. Грановского. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1897. С. 358.

¹³ Там же. С. 343, 351.

новский, – читать историю Средних веков на славу. Пусть со всех краев мира идут меня слушать <...>. Мне кажется, что я могу действовать при настоящих моих силах и действовать именно словом. Что такое дар слова? Красноречие? У меня есть оно, потому, что у меня есть теплая душа и убеждения. Я уверен, что меня будут слушать студенты»¹⁴.

Сейчас, когда мы знаем, что Грановскому в ближайшем будущем суждено было стать самым популярным лектором Московского университета за всю его историю – эти строки, согласитесь, впечатляют.

* * *

Чему же, собственно, учил Грановский? И чем учение это было так привлекательно для студенческой молодежи и русского общества 40-х годов XIX века? Прежде всего, повторюсь, следует обратить внимание на то, что Грановский воспринимал сам и преподносил своим слушателям и читателям историю не как совокупность хаотических событий, а как единый *целенаправленный* процесс. Ну, а коли так, то он неизбежно брал на себя обязательства разобраться самому и приобщить свою аудиторию к осознанию того, каково это *направление* и что представляет собой эта *цель*.

Так же, как и его главный учитель – Гегель, Грановский в оценке исторического процесса был безусловным оптимистом; он твердо верил, что человечество развивается, *прогрессируя*; при этом лектор очень ясно и выразительно объяснял суть этого понятия: «Весь прогресс человечества заключается в том, что человечество становится сознательнее и цель его бытия яснее и определеннее»¹⁵. При таком подходе само собой разумелось, что лекции по древней и средневековой истории, не были рассказом о некоей самоценной, замкнутой на себе архаике – они неизбежно открывали путь к познанию современности. Раскрывая в них с максимальной полнотой и ясностью мучительный процесс «просветления» человечества, Грановский исподволь вовлекал в него своих слушателей. Опыт прошлых веков должен был помочь им осознать настоящее, понять, какую роль в истории человечества играет тот или иной народ, какие проблемы история ставит перед *их* страной; и, тем самым, предельно облегчить поиски своего места в борьбе со старым, отжившим...

Заявленную схему необходимо было одеть плотью исторических фактов. У Грановского был четкий критерий для отбора фактического материала, который давало ему все то же гегельянство. Вслед за Гегелем движущую, «зидительную» силу всего сущего Грановский видел в абсолютном духе. Абсолют «открывает себя в явлении», познает себя в нем; история суть процесс самопознания абсолютного духа через проявление его в реальности. Абсолют творит во вне, создавая определенные формы – обращаясь к их изучению, человек соприкасается с творящим духом, получает возможность проникнуть в суть его замыслов. Из форм же этих, отмечал Грановский, наиболее значимы в истории каждого народа всего две: в сфере внешнего бытия – *государство*; в сфере внутренней духовной жизни – *религия*.

Однако Абсолют творит, не только созидая, но и разрушая – именно эти «переломные эпохи», содержащие в себе *переход от старого к новому*, должны привлекать историка в первую очередь. «Только здесь, – говорил Грановский, – возможно опытному уху подслушать таинственный рост истории, поймать ее на творческом деле»¹⁶. Анализ же «механики» этих эпох начинался для Грановского с идей, являвшимися провозвестниками Абсолюта, и

¹⁴ Там же. С. 351.

¹⁵ Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья: (Авторский конспект и записи слушателей) / Предисл., подгот. текста и примеч. С. А. Асиновской. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 45.

¹⁶ Там же. С. 46.

с великих людей, исторических деятелей, которые одушевлялись этими идеями, воплощали их в жизнь.

Итак, Грановскому совершенно ясно было, что в истории представляет наибольший интерес: среди людей – «великие люди, цвет народа, которого дух в них является в наибольшей красоте; между событиями – великие перевероты, которыми начинаются новые круги развития, между положениями – те, в которых развитие достигает полноты своей; наконец, между формами – великие общества, в которых народная жизнь просторнее движется и чище выражается»¹⁷. Свой лекционный курс Грановский строил соответственно этим подходам, последовательно приобщая своих слушателей к истории, к ее наследию, причем каждая эпоха, в изложении лектора, являлась основой для последующей, ступенькой на пути исторического прогресса.

Все это впечатляло – и, несомненно, Грановский добивался поставленных целей, тем более что у него были очень благодарные слушатели. Один из них великолепно передал то, очевидно, общее впечатление, которое производил лекционный курс Грановского: «Несмотря на обилие материалов, на многообразие явлений исторической жизни, несмотря на особую красоту некоторых эпизодов, которые, по-видимому, могли бы отвлечь слушателя от общего, слушателю всюду чувствовалось присутствие какой-то идущей, вечно неизменной силы. Век гремел, бился, скорбел и отходил, а выработанное им с поразительной яркостью выступало и воспринималось другими. История у Грановского действительно была изображением великого шествия народов к вечным целям, поставленным человечеству провидением»¹⁸. Через изучение истории познавался смысл человеческого бытия... И одним из главных выводов для слушателей Грановского был следующий: есть только один путь развития; Европа прокладывает его, а России предстоит по нему идти. Этот вывод находился за рамками лекционного курса, но вся, поистине, железная логика лектора подталкивала к нему неизбежно.

При этом Грановский счастливо избежал того, что придавало многим рассуждениям Гегеля и его последователей предельно формальный характер: схема в лекциях никогда не подавляла исторический материал, живое бытие прошлого во всем его многообразии. Как совершенно справедливо писал о Грановском Герцен: «принимая историю за правильно развивающийся организм, он нигде не подчинял событий формальному закону необходимости <...>. Необходимость являлась в его рассказе какой-то сокровенной мыслию, она ощущалась издали, как некий *deus implisitus*¹⁹, предоставляющий полную волю и полный разгул жизни»²⁰.

Все это было немаловажно, если иметь в виду, что Грановский, несомненно, стремился не только учить, но и воспитывать своих слушателей, приобщая их к определенной жизненной позиции. И на университетской кафедре, и в остальных сферах своей деятельности Грановский всегда исходил из твердого убеждения, что человечеству изначально даровано право свободного волеизъявления – великое право, с которым сопряжены великие обязанности. Каждый человек волен сам определять свою жизненную позицию – и сам должен нести всю полноту ответственности за деятельность свою и за бездействие... Историк же обязан твердо помнить о том, что исследует не только стадии саморазвития Абсолюта, но и историческое бытие многих и многих людей – полноправных участников исторического процесса.

¹⁷ Там же. С. 46–47.

¹⁸ Отечественные записки. 1858. № 8. С. 93–94.

¹⁹ Связанный бог (*лат.*).

²⁰ Герцен А. И. О публичных чтениях г-на Грановского (Письмо второе) // Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. II: Статьи и фельетоны: 1841–1846. Дневник: 1842–1845 / Ред. Я. Е. Эльсберг. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 126–127.

Этой хорошо продуманной принципиальной позиции Грановский оставался верен всю жизнь. Он очень последовательно противостоял тому бездушному логическому фатализму, который отчасти был присущ и самому Гегелю, но с особенной силой сказывался в воззрениях его многочисленных эпигонов. Грановский же не просто открывал своим слушателям «тайны Абсолюта» – он судил действующих лиц исторической мистерии. «Двигателям человечества» не прощались ложь, насилие, измена. Характеристики борцов за безнадежное дело возрождения старины, за «идеалы прошедшего» нередко были выдержаны в самых поэтических тонах.

Всегда оставаясь верным научному пониманию истории, Грановский органично сочетал с ним *нравственную оценку* прошлого. И в результате сухая гегельянская историософия, круто замешанная на абстракциях, логике, «чистом разуме», обретала в лекциях живую душу, становилась *человечной*. «*Humanitas humaniora*» – «человечность, больше человечности» – призыв, повторявшийся гуманистами эпохи Возрождения, в полной мере определял всю деятельность Грановского в Московском университете – да и за его стенами тоже.

Под этим девизом, созвучным пушкинскому – «...и милость к падшим призывал» – в николаевской России с ее деспотизмом, направленным именно на подавление человеческого в человеке, можно было сделать многое. И, может быть, наряду со всеми прочими достоинствами именно этот непривычный подход к истории так привлекал слушателей в аудиторию, где читал свои лекции Грановский. Ведь, в конце концов, студенты всех факультетов и отделений валом валили в эту аудиторию не за специальными знаниями по древней или средневековой истории Западной Европы, и, конечно, не затем, чтобы поклониться некоему кумиру – «артисту на кафедре». Они обретали здесь ту самую жизненную позицию, которая нередко определяла все их будущее. Студенческая молодежь ценила Грановского не за внешнее обаяние и «красивый слог», и даже не за то, что он был превосходным профессором-интеллектуалом и эрудитом, она относилась к историку как к Учителю в самом высоком смысле этого слова. А «учение» его противостояло, в принципе, мертвящим схемам «официальной народности» – и в этом плане было вполне адекватно литературной критике В. Г. Белинского, философским статьям А. И. Герцена, повестям И. С. Тургенева. У того костерка, который развел Грановский, отогрелась не одна сотня человек...

* * *

В этом сборнике читателю представлены те произведения Грановского, с которыми он выходил за стены Московского университета, обращаясь ко всему русскому обществу²¹. Прежде всего это «Четыре исторические характеристики» – публичные чтения 1851 года, в подготовке которых к печати принимал участие сам автор. Надо думать, что для Грановского, привыкшего излагать историю в связи, подобные чтения были своеобразным экспериментом: через характеристику четырех героев – тех, кого он сам называл «великими людьми», – ученый попытался показать различные стороны исторического процесса, вопло-

²¹ Конечно же, наиболее значимым явлением в наследии Т. Н. Грановского были его университетские курсы. Однако они сохранились лишь в студенческих записях, которые дают достаточно полное представление о содержании лекций, но, не могут передать их форму, неповторимую стилистику Грановского-лектора. Записи, опубликованные С. А. Асиновской, выдающимся знатоком наследия историка, достаточно сложны для восприятия и представляют интерес прежде всего для специалистов. К этим публикациям мы и отсылаем всех заинтересовавшихся этой стороной деятельности Т. Н. Грановского: Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья: (Авторский конспект и записи слушателей) / Предисл., подгот. текста и примеч. С. А. Асиновской. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961; Лекции Т. Н. Грановского по истории позднего средневековья / Вступ. статья С. А. Асиновской, примеч. С. А. Асиновской, Л. А. Никитиной. М.: Наука, 1971; Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья / Сост. С. А. Асиновская; статьи С. С. Дмитриева, Е. В. Гутновой, С. А. Асиновской; примеч. С. А. Асиновской, Л. А. Никитиной, Т. Д. Сергеевой. М.: Наука, 1987. (Памятники исторической мысли).

щением которых эти герои, по его мнению, являлись. Так, Тамерлан, в изображении Грановского, представлял собой силу исключительно разрушительную; Александр Македонский, знаменуя собой преодоление греческой замкнутости и ограниченности, своими завоеваниями выводил человечество на новый уровень развития; Людовик IX характеризовался как государственный деятель, «устроитель» своих подданных, близкий к идеалу; и, наконец, в деятельности Ф. Бэкона лектор угадывал проблески будущего, когда именно наука станет главной движущей силой истории.

Кроме того в сборнике помещен комплекс небольших по объему статей и очерков, опубликованных Грановским в различных периодических изданиях и энциклопедиях и основательно подзабытых в наше время. Между тем, написанные легко и изящно, они до сих пор представляют несомненный интерес – именно в том ракурсе, который и предполагался автором: популяризации истории Западной Европы, малознакомой тогдашнему обществу. У меня, откровенно говоря, нет уверенности, что положение дел с тех пор заметно изменилось к лучшему... Характерно, что некоторые из этих написанных более полутора веков назад очерков – о Баярде, например, или о квакерах – до сих пор не «перекрыты» в нашей литературе более поздними произведениями...

В приложении помещены две работы Грановского особого жанра. Это речь «О современном состоянии и значении всеобщей истории», произнесенная в торжественном собрании Московского университета, и записка «Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой перемены». В обоих случаях Грановский очень ярко и эмоционально отстаивает значение всеобщей истории именно с тех позиций, которые обрисованы во вступительной статье.

Особенно интересной и значимой представляется «Записка», в которой Грановский чрезвычайно убедительно, на мой взгляд, показывает, к чему ведет пренебрежение «гуманитарией», одностороннее развитие за ее счет «практических наук», в данном случае, прежде всего, естествознания. Ведь Грановский, по сути дела, предсказывает здесь наступление эпохи нигилизма... Прошло полтора-два десятилетия, и то же Министерство народного образования, которое в 40-х годах XIX века из «идейных соображений» сокращало часы, отведенные на преподавание латыни и древней истории, резко изменив свою позицию, начало буквально глушить гимназистов латынью – теперь уже в борьбе с ненавистным нигилизмом, густо замешанном на естественных науках... Призыв Грановского к гармоничному образованию, не услышанный в те годы, сейчас, согласитесь, звучит не менее актуально.

В целом же изданием сборника публикаторы хотели напомнить об одном из представителей того замечательного сообщества, которому мы так многим обязаны и которое нами, к стыду нашему, полузабыто... Конечно, юбилеи у нас почти всегда сугубо официозны, и все же... В 2011 году как-то незаметно минуло двести лет со дня рождения В. Г. Белинского, в 2012 – А. И. Герцена... В 2013 году – 200-летний юбилей Тимофея Николаевича Грановского. Особых торжеств по этому случаю в «общегосударственном масштабе» или хотя бы в стенах Московского университета так же не предвидится – и бог с ними. Но мы, публикаторы, счастливы, что эта небольшая книжка выходит именно в 2013 году.

А. А. Левандовский

I. Публичные чтения

Четыре исторические характеристики

22

²² Лекции о Тимуре, Александре Великом, Людовике IX Святом и Ф. Бэконе были прочитаны Т. Н. Грановским в 1851 г. и изданы отдельной книжкой в 1852 г. в Москве (Четыре исторические характеристики: Публичные лекции, читанные ординарным профессором Т. Грановским в 1851 г. М.: Университетская типография, 1852). «Четыре исторические характеристики» печатаются по изданию: Сочинения Т. Н. Грановского: [В 2 ч.]. 3-е изд. Ч. I. М.: Типография А. И. Мамонтова и К^о, 1892. С. 337–406.

Чтение первое. Тимур

Предметом наших чтений будут характеристики Тамерлана²³, Александра Македонского²⁴, Лудовика IX²⁵ и канцлера Бэкона²⁶. Мы найдем не много сходного в их внутренней жизни, еще менее во внешней истории их подвигов; подвиги каждого из них отмечены особенным, ему исключительно принадлежащим характером. Но между ними есть одно общее: это название великих людей, данное им современниками и утвержденное потомством. Что же такое связано с этим названием? Какое призвание в истории людей, означенных именем великих? Вот вопрос, которым я позволю себе начать эти чтения. Вопрос этот не лишен некоторой современности. Еще недавно поднимались голоса, отрицавшие необходимость великих людей в истории, утверждавшие, что роль их кончена, что народы сами, без их посредства, могут исполнять свое историческое назначение. Все равно сказать бы, что одна из сил, действующих в природе, утратила свое значение, что один из органов человеческого тела теперь стал не нужен. Такое воззрение на историю возможно только при самом легком и поверхностном на нее взгляде. Но тот, для кого она является не мертвою буквою, кто привык

²³ *Тимур* (Тамерлан, Железный Хромец) (1336–1405) – среднеазиатский полководец и государственный деятель, эмир (1370), создатель централизованного государства в Средней Азии со столицей в Самарканде, основатель династии Тимуридов. Подробнее о Тамерлане см.: *Иванин М. И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане / Под ред. князя Н. С. Голицына. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1875; Автобиография Тимура. Богатырские сказания о Чингис-Хане и Аксак-Темире / Вступ. статья и коммент. В. А. Панова. М.: Л.: Academia, 1934; *Мушинов И. М.* Роль и место Амира Тимура в истории Средней Азии: В свете данных письменных источников. Ташкент: Фан, 1968; *Рахманалиев Р.* Военная держава Амира Тимура. М.: Прогресс, 2005; *Пу Ж.-П.* Тамерлан / Пер. с фр. Е. А. Соколова; послесл. В. Л. Егорова. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2007. (Жизнь замечательных людей: Серия биографий. Вып. 1263/1063); *Шарафад-Дин Али Йазди.* Зафар-наме (Книга побед Амира Темура) / Предисл., пер. со староузбекск. и коммент. А. Ахмедова. Ташкент: San'at, 2008.

²⁴ *Александр Македонский* (Ἀλέξανδρος ο Μεγας) (Александр Великий, Искандер) (356–323 до н. э.) – македонский полководец и государственный деятель, царь Македонии из династии Аргеадов (336 до н. э.), создавший в ходе завоевательных походов на Восток (334–324 до н. э.) крупнейшую мировую державу, располагавшуюся на территории от Дуная до Инда. Подробнее о нем см.: *Ковалев С. И.* Александр Македонский. Л.: Соцэкгиз, 1937; *Шофман А. С.* Восточная политика Александра Македонского. [Казань]: Издательство Казанского университета, 1976; *Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И.* Александр Македонский и Восток. М.: Наука: Восточная литература, 1980; *Шофман А. С.* Распад империи Александра Македонского. [Казань]: Издательство Казанского университета, 1984; *Шахермаиър Ф.* Александр Македонский / Сокр. пер. с нем. и послесл. М. Н. Ботвинника, А. А. Нейхардт. 2-е изд. М.: Наука, 1988; *Шифман И. Ш.* Александр Македонский. Л.: Наука, 1988. (Всеобщая история); *Маринович Л. П.* Греки и Александр Македонский: К проблеме кризиса полиса. М.: Наука: Восточная литература, 1993; *Фор П.* Александр Македонский / Пер. с фр. И. И. Маханькова. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2011. (Жизнь замечательных людей: Серия биографий. Вып. 1501/1301).

²⁵ *Людвиг IX – Людовик IX* (Louis IX) *Святой* (1214–1270) – французский король из династии Капетингов (1226–1270), организатор и глава VII крестового похода в Египет (1248–1254) и VIII крестового похода в Тунис (1270). Подробнее о нем см.: История Средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых: В 3 т. / Сост. М. М. Стасюлевич. 2-е изд. Т. III. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1887. С. 665–714; Средневековый идеалист: (Людовик IX Святой) / Сост. С. П. Моравский. М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1902; *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой / Пер. с фр. В. Магузовой. М.: Ладомир, 2001; *Гарро А.* Людовик Святой и его королевство / Пер. с фр. Г. Ф. Цыбулько. СПб.: Евразия, 2002. (Clio Personalis); *Жан де Жуанвиль.* Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. со старофр. Г. Ф. Цыбулько; под ред. Ю. П. Малинина и А. Ю. Карачинского. СПб.: Евразия, 2012. (Clio).

²⁶ *Бэкон* (Васон) *Фрэнсис* (Франц) (1561–1626) – английский политический деятель, историк, философ, один из родоначальников материализма, литератор, публицист, естествоиспытатель, член парламента (1584) и Тайного совета (1616), лорд-хранитель печати (1617), лорд-канцлер, пэр Англии, барон Веруламский (1618), виконт Сент-Олбанский (1621). Произведения Ф. Бэкона см.: Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические / Пер. З. Е. Александровой; статья и примеч. Ф. А. Коган-Бернштейн. 2-е изд. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. (Литературные памятники); Сочинения: В 2 т. / Сост., общ. ред. и вступ. статья А. Л. Субботина. 2-е изд. М.: Мысль, 1977–1978. (Философское наследие); История правления короля Генриха VII / Под общ. ред. М. А. Барга; пер. и коммент. В. Р. Рокитянского и др. М.: Наука, 1990. (Памятники исторической мысли). Подробнее о философе см.: *Либих Ю. Ф.* Бэкон Веруламский и метод естествознания / Пер. А. Филиппченко. СПб.: Типография Куколь-Яснопольского, 1866; *Фишер К.* Бэкон Веруламский / Пер. Ф. Терновского. Киев: Типография И. и А. Давиденко, 1866; *Городенский Н. Г.* Франциск Бэкон, его учение о методе и энциклопедия наук: Историко-философский очерк. Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1915; *Субботник С. Ф.* Бэкон. М.: Соцэкгиз, 1937; *Субботин А. Л.* Фрэнсис Бэкон. М.: Мысль, 1974. (Мыслители прошлого).

прислушиваться к ее таинственному росту, видит в великих людях избранных Провидения, призванных на землю совершить то, что лежит в потребностях данной эпохи, в верованиях и желаниях данного времени, данного народа. Народ есть нечто собирательное. Его собирательная мысль, его собирательная воля должны для обнаружения себя претвориться в мысль и волю одного, одаренного особенно чутким нравственным слухом, особенно зорким умственным взглядом лица. Такие лица облачают в живое слово то, что до них таилось в народной думе, и обращают в видимый подвиг неясные стремления и желания своих соотечественников или современников. Но с приведенным мною прежде мнением соединяется другое, столь же неосновательное, по которому великие люди являются чем-то случайным, чем-то таким, без чего можно обойтись. Заметим по этому поводу, что великая роль случая допускается только в эпохи умственного и нравственного ослабления, когда человек перестает верить в законное движение событий, когда он теряет из виду божественную связь, охватывающую всю жизнь человечества. Конечно, не всегда ясно нам место, принадлежащее великому мужу в цепи явлений, не всегда ясна задача его деятельности. Проходят века, а он остается кровавою и скорбною загадкою, и мы не знаем, зачем приходил он, зачем возмутил народы. Толки, им вызванные, до такой степени противоположны между собою, что нельзя даже с точностью определить влияния, им обнаруженного. Но разве то, что нам непонятно сегодня, должно остаться непонятным и завтрешнему дню? Разве каждое новое событие не проливает света на события, по-видимому, давно уже свершившиеся и замкнутые? Смысл отдельных явлений иногда раскрывается только по прошествии веков и даже тысячелетий. Наука в таких случаях не в состоянии опередить самой жизни и должна терпеливо ждать новых фактов, без которых был бы не полон круг известного развития. Историческое значение Сократа²⁷ оценено должным образом только в XIX столетии, на расстоянии двадцати двух веков от приговора, произнесенного над ним афинским народом²⁸.

При изучении каждого великого человека мы должны обратить внимание на личность его, на почву, на которой он вырос, на время, в которое он действовал. Из этого тройного элемента складывается его жизнь и деятельность. Задача трудная, решение которой предоставлено, если можно так выразиться, особенной исторической психологии, имеющей целью устранить временные и местные влияния, видоизменяющие частные свойства лица. При внимательном созерцании великих личностей, они являются нам откровениями целого народа и целой эпохи. Для чего бы они ни были призваны на землю, для блага ли, для зла ли, во всяком случае, они стоят не отдельно, не независимо, но тесно и крепко связаны с землею, на которой выросли, и с временем, в котором действуют. Особенности трудности в этом случае представляет история Востока: она подчинена другим законам, развивается под другими условиями, нежели европейская. Там народы коснеют в продолжение веков в непробудном сне. Им видятся странные грезы, которые они переносят не только в свою поэзию, но и в свою историю. Там нет правильных переходов от одной эпохи к другой: нет постепенности и, следовательно, логической необходимости в развитии, и потому появление великих людей часто принимает характер чистой случайности. Но и здесь подобное заключение было бы слишком

²⁷ Сократ (Σωκράτης) (470/469 – 399 до н. э.) – древнегреческий философ, живший в Афинах, участник Пелопоннесской войны (431–404 до н. э.), член афинского Совета пятисот (406 до н. э.), основоположник диалектики как метода поиска истины путем диалога.

²⁸ В 399 г. до н. э. трагический поэт Мелет, ритор Ликон и хозяин кожевенных мастерских Анит обвинили Сократа в развращении юношества и в том, что он вводил новых богов и не признавал богов, почитаемых в Афинах. Дело философа рассматривалось в одном из отделений суда присяжных, состоявшем из 500 граждан. Большинство голосов афиняне признали Сократа виновным и приговорили к казни. Проведя 30 дней в тюрьме, философ покончил с собой, приняв яд цикуты. См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Вступ. статья А. Ф. Лосева; пер. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1979. (Философское наследие). С. 115–117; Нерсесянц В. С. Сократ. М.: Наука, 1977. (Научные биографии). С. 104–139; Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / Пер. С. И. Соболевского; статьи С. И. Соболевского и К. П. Полонской; коммент. С. И. Соболевского. М.: Наука, 1993. (Памятники философской мысли). С. 5 – 159; Суриков И. Е. Сократ. М.: Молодая гвардия, 2011. (Жизнь замечательных людей: Серия биографий. Вып. 1518/1318). С. 287–331.

опрямительно. Когда нас, например, поражает явление вроде того завоевателя, о котором я буду иметь честь говорить в нынешнем чтении, когда мы с трепетным чувством спрашиваем у себя отчета в делах какого-нибудь Чингиса²⁹ или Тимура и теряемся в догадках; когда в нас невольно рождаются вопросы: какой потребности удовлетворили эти люди, зачем покрыли землю развалинами, зачем стерли с лица земли столько царств, столько прекрасных форм, успевших развиться из недр магомеданской цивилизации? Мы вправе отвечать: а разве у этих народов, выведенных на сцену истории Чингисом и Тимуром, дремавших дотоле в бесконечном и скучном однообразии кочевого быта, не было потребности проснуться однажды и изведать все наслаждение и все тревоги деятельной исторической жизни? Но страшно бывает такое пробуждение восточных народов! Судьба Тимура, или Тамерлана, связана с одним из этих взрывов. В беседах, ограниченных пределами скудно отмеренного времени, я не могу представить Вам полных биографий и должен просить Вас довольствоваться краткими характеристиками, в которых постараюсь показать отличительные особенности каждого из лиц, выбранных мною для этих чтений. Связь между ними только внешняя, но всем им принадлежит право на название «великих», потому что все они оставили глубокие, хотя и не сходные между собою, следы на почве всемирных событий. Я ограничусь теми характеристическими чертами, по которым можно разгадать лицо самого Тамерлана и того народа, которого он был представителем.

На обширном пространстве между Каспийским, Охотским и Японским морями исконно блуждали племена, принадлежащие двум великим породам: монгольской³⁰ и турецкой³¹. Иногда отдельные отрасли обеих пород сливались, образовывали новые народности и выходили под разными именами на сцену истории. Их выступление однообразно ознаменовано одним характером жестоких опустошений. Они приносили с собою гибель для всякой стоявшей на их дороге общественной формы, но сами не были в состоянии создать прочного и одаренного условиями внутреннего развития государства. Около четырех веков по Р.Х. монголо-турецкие племена явились в Европе под именем гуннов³² и поразили ужасом славян и германцев³³. Народное сказание приписывало гуннам особенное происхождение. Готы³⁴ говорили, что они прижиты блуждавшими в пустыне нечистыми духами от готских волшебниц. До такой степени смутил европейцев безобразный облик этих сынов степи, их дикий образ жизни, их нравы, их беспощадная лютость. Была пора, когда они грозили не только независимости европейских народов, но самому существованию греко-римской цивилиза-

²⁹ *Чингис* – *Чингисхан* (Чингис-хан, «Великий хан», собств. имя: Тэмуджин, Темучин) (ок. 1155–1227) – монгольский полководец, в 1206 г. провозглашен великим ханом над всеми племенами, основатель единого монгольского государства. В ходе завоевательных походов в 1207–1227 гг. Чингисхан сумел значительно расширить территорию монгольского государства, подчинив народы Сибири и Восточного Туркестана (буряты, якуты, киргизы и др.), присоединив тангутское государство Си-Ся на северо-западе Китая и значительные территории на севере Китая, Среднюю Азию и часть Закавказья. О нем подробнее см.: *Груссе Р.* Чингисхан: Покоритель вселенной / Пер. с фр., вступ. слово Е. А. Соколова. М.: Молодая гвардия, 2000. (Жизнь замечательных людей: Серия биографий. Вып. 773); *Лэмб Г.* Чингисхан: Властелин мира / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2003. (Nomen est omen).

³⁰ *Монголы* – название народов, говорящих на монгольских языках (собственно монголы, дунсян, дауры, буряты, калмыки и др.). Впервые этноним «монголы» («мэнгу») встречается в китайских хрониках VII в. С его помощью определяли племена, кочевавшие по территории современной Монголии и Маньчжурии.

³¹ «Турецкими» племенами Т. Н. Грановский называл все тюркские народы, составляющие этноязыковую общность, оформившуюся на территории степей Северного Китая в I тыс. до н. э. (гунны, печенеги, половцы, булгары, хазары, турки-османы, мамелюки, якуты, долганы и др.).

³² *Гунны* – кочевой народ, сформировавшийся во II–IV вв. в Приуралье из угров, ираноязычных сарматов и тюркоязычных хунну. В 70-х годах IV в. гунны двинулись на запад и обосновались на территории современной Венгрии, откуда совершали постоянные набеги на Восточную Римскую империю.

³³ *Германцы* – большая группа племен (батавы, кимвры, лангобарды, свевы, тевтоны и др.), расселившаяся к I в. до н. э. на территории между Нижним Рейном и Вислой, Дунаем, Балтийским и Северным морями, и в Южной Скандинавии.

³⁴ *Готы* – германские племена, жившие сперва на южном побережье Балтийского моря и на Нижней Висле, а в конце II – первой половине III в. переселившиеся в район Северного Причерноморья.

ции. На полях Каталлаунских³⁵ решился этот вопрос. Владычество их продолжалось, впрочем, не долго. Они исчезли с европейской почвы, не оставив никакого следа ни в учреждениях, ни в нравах. Через восемь веков Европа принимала снова тех же гостей: их суждено было встретить нашей России, тогда только что начинавшей свое историческое служение³⁶. Она приняла на свою грудь удары варваров и подпала под их тяжкое иго³⁷. Но остальная Европа, искупленная ею, избавилась от дальнейших бедствий. Зато нашествие было страшно для тех, на кого оно обрушилось непосредственно. Свидетельства современников-очевидцев о нравах монгольского племени отличаются редким согласием общих черт. Арабы, персы, западные монахи-послы при дворе хана и венецианский купец Марко Поло³⁸ характеризуют монголов почти одними и теми же выражениями. «Нет народа более способного завоевать мир, как татары³⁹; они храбры, они привычны ко всякого рода лишениям, они бесчеловечны, хищны, против них не может устоять ни одно государство», – говорит Марко Поло. Восточные народы по свойственному им фатализму смотрели на дикарей Чингиса и Тимура как на неотвратимую, небом ниспосланную кару. Их летописи наполнены страшными, почти невероятными рассказами о страхе, который не только целые отряды, но одинокие монголы внушали значительным селениям и городам. Жители нередко добровольно подставляли шею под удары в полном убеждении, что сопротивление бесполезно. До такой степени распространено было в Азии мнение о непобедимости монголов. Виновником их могущества был, как Вам известно, Чингис-хан в начале XIII столетия. Он сам высказал цель своих войн. Овладев значительной частью Азии, в летах преклонной старости он собрал однажды совет свой и предложил вождям следующий вопрос: какое благо выше всех на земле? Каждый из вождей отвечал по-своему. Старый хан покачал головою и сказал им: «Нет; счастливее всех на земле тот, кто гонит разбитых им неприятелей, грабит их добро, скачет на конях их, любит слезами людей им близких и целует их жен и дочерей». Государство, основанное на таких началах, не могло быть прочно. По смерти Чингиса оно распалось на несколько орд, которые вскоре стали враждовать между собою.

Тимур родился близ Самарканда⁴⁰, в бывшем царстве Чингисова сына Чагатая⁴¹. Народы Востока глубоко запомнили роковую ночь на 9-е апреля 1336 года⁴². Он родился, как

³⁵ *Каталаунские поля* – историческое место в северо-восточной Франции, равнина возле современного Шалона-на-Марне. 20 июня 451 г. в битве на Каталлаунских полях войска Западной Римской империи под командованием Аэция Флавия (Aetius Flavius; † 454) вместе с вестготами и франками разгромили гуннов, вторгшихся в Галлию под предводительством *Аттилы* (Attila; † 453).

³⁶ Речь идет о завоевательных походах 1219–1242 гг., в ходе которых монголы сумели выйти к Адриатическому морю.

³⁷ Имеется в виду монголо-татарское иго XIII–XV вв.

³⁸ *Поло* (Polo) *Марко* (ок. 1254–1324) – венецианский путешественник, писатель, первый европеец, исследовавший Внутреннюю Азию, состоял на службе у монгольского хана Хубилая (до 1294). Его рассказы о путешествиях составили «Книгу Марко Поло» («Il Milione», 1298). См.: Книга Марко Поло / Вступ. статья И. П. Магидовича; пер. со старофр. И. П. Минаева. М.: Географгиз, 1955. О Марко Поло см.: *Дреж Ж.-П.* Марко Поло и Шелковый путь / Пер. с фр. И. С. Бородычевой. М.: Астрель; АСТ, 2006. (История. Открытие); *Юрченко А. Г.* Книга Марко Поло: Записки путешественника или имперская космография. СПб.: Евразия, 2007.

³⁹ В XIX в. этнонимы «татары» и «монголы» считались синонимами. Однако татары были самостоятельным тюркоязычным народом, обитавшим к северо-востоку от озера Байкал. Во время нашествия Чингисхана они выступили как воинский и административный авангард монголов. По этой причине современная наука, говоря о походах Чингисхана и его сыновей, вместо старого термина «татаро-монголы», предпочитает использовать понятие «монголо-татары» (или просто «монголы»).

⁴⁰ *Самарканд* – город, расположенный в долине р. Зеравшан, один из старейших городов в Средней Азии: основан около 700 г. до н. э. В настоящее время город входит в состав Самаркандской области Республики Узбекистан.

⁴¹ *Джагатай* (Чагатай) († 1242) – монгольский полководец, хан, второй сын Чингисхана. В 1224 г. он получил от отца в удел среднеазиатские земли от Алмалыка (город на востоке Узбекистана) до Мавераннахра (область между реками Амударья и Сырдарья), образовавшие Джагатайский (Чагатайский) улус со столицей в г. Бишбалык на р. Или.

⁴² Тимур родился в с. Ходжа-Ильгар возле г. Кеш (в настоящее время г. Шахрисабз Кашкадарьинской области Республики Узбекистан), располагавшемся к югу от Самарканда.

говорит предание, с куском запекшейся крови в руке и с белыми, как у старца, волосами. По женской линии⁴³ он принадлежал к потомству Чингиса, но отец его⁴⁴, один из многочисленных чагатайских князей, не мог оставить ему большого могущества. С ранних лет Тимур обнаружил неодолимую силу воли и властолюбие. Будучи ребенком, он заставил товарищей своих детских игр присягнуть себе в послушании и верности. Никто из них не равнялся с ним, впрочем, в силе и ловкости. Первые годы его жизни прошли в подвигах мелкого грабежа и разбоев, доставивших ему славу бесстрашного наездника. Восточная фантазия внесла в эти темные годы Тимуровой молодости те же подробности и те же преувеличения, какими наполнены сказания о молодости других азиатских героев. Тимур выступил на театр всемирно-исторической деятельности в годах зрелого мужества, одолев множество противников, столько же незначительных по объему власти, как и он сам. В этих постоянных трудах и войнах приготовился он к роли, которая ему предстояла впереди. В 1371 г., следовательно, когда ему было 35 лет от роду, он уже владел землями от Каспия до Манжурии⁴⁵ и держал на престоле чагатайском подвластного ему потомка Чингисова с бесплодным титулом великого хана. Влияние его простиралось на большую часть земель, завоеванных прежде монголами. Князя Кипчакской Орды⁴⁶, владычествовавшей над Россией, призывали его посредником в своих распрях. Он поставил над ними Тохтамыш⁴⁷; но Тохтамыш не был благодарен. Несколько лет спустя он сделал попытку сбросить с себя иго Тимура⁴⁸. Борьба была неравная. Пред началом решительной битвы из рядов Тимуровых выступил старый шейх Береке⁴⁹, произнес молитву и, взяв горсть пыли, бросил ее в войско врагов: «Да помрачится лицо ваше стыдом поражения», – сказал он. Разбитый близ Волги кипчакский хан бежал, собрал новое войско и в 1395 году снова встретился с Тимуром на Тереке⁵⁰. Тимур одержал еще кровавую победу и сокрушил окончательно силы своего противника. Для России наступила грозная година испытания. Куликовская битва⁵¹ казалась, по-видимому, бесплодным напряжением народных сил. Что был Мамай⁵² в сравнении с Тимуром! До нынешнего Ельца⁵³ дошел Железный Хромец, как называют его наши летописи, и оста-

⁴³ Считается, что матерью Тимура была *Текина-хатун*. Какие-либо достоверные сведения о ее жизни и происхождении отсутствуют.

⁴⁴ *Тарагай Бахадур* († 1360) – монгольский военный и политический деятель, бек из монгольского племени барлас, отец Тимура.

⁴⁵ *Манжурия* – *Маньчжурия* (Манчжурия) – историческая область на северо-востоке Китая, включающая в свой состав территории современных китайских провинций Ляонин, Гирин и Хейлунцзян, а также северо-восточную часть Внутренней Монголии.

⁴⁶ *Кипчакская Орда* – название Золотой Орды, распространенное в русской исторической литературе в XIX – начале XX в.

⁴⁷ *Тохтамыш* († 1406) – монгольский военный деятель, потомок старшего сына Чингисхана Джучи, заяицкий хан, с 1380 г. хан Золотой Орды.

⁴⁸ В 1389–1395 гг. Тохтамыш вел борьбу с Тимуром за земли в Закавказье и Средней Азии, в ходе которой он потерпел поражение.

⁴⁹ *Береке Мир Сейид* († 1403) – монах-суфий из Медины, шейх, с 1370 г. духовный наставник Тимура.

⁵⁰ *Терек* – река на Северном Кавказе, берущая начало из ледника горы Зильгахох и впадающая в Каспийское море. 15 апреля 1395 г. возле Терека войска Тимура разгромили армию Тохтамыша. После поражения Тохтамыш потерял золотоордынский престол и бежал в Литву.

⁵¹ *Куликовская битва* – сражение русских полков под руководством князя *Дмитрия Донского* (1350–1389) с монголо-татарским войском под предводительством Мамаю, состоявшееся 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле (между реками Дон и Непрядва). В ходе сражения русские войска разбили монголо-татар и преследовали противника на протяжении 50 км от Куликова поля. После Куликовской битвы владычество золото-ордынских ханов над Русью стало номинальным.

⁵² *Мамай* († 1380) – татарский военный и политический деятель, темник (1357–1361), фактический правитель Золотой Орды (1361–1380).

⁵³ *Елец* – русский город, располагающийся возле пересечения рек Быстрой Сосны и Ельчик; впервые упоминается в летописи в 1146 г. В настоящее время город является административным центром Елецкого района Липецкой области Российской Федерации.

новился. Восточные летописцы приписывают его нерешимость идти далее огромным богатствам, которые он будто бы уже награбил в этом походе. Но православная церковь празднует 26-го августа день перенесения Владимирской Божией Матери⁵⁴ в Москву и отступления Тимура. Конечно, Тимура испугали не военные приготовления великого князя Василия Дмитриевича⁵⁵, готовившегося умереть за народ свой, и не насытили сокровища, найденные им в степях Юго-Восточной России. Но с тех пор Тимур не касался более пределов Европы; театром его подвигов стала исключительно Азия. Я уже сказал, что не могу входить в биографические подробности о Тимуре; но если бы даже для нашей беседы было отмерено более времени, то и тогда я не считал бы нужным утомлять Ваше внимание однообразными подробностями разорения и опустошения стран, куда он являлся, как кара Божия. Укажу только на характеристические черты, которые познакомят Вас с образом войны и с личностью Тимура. Персия по географическому положению своему должна была прежде других стран обратить на себя внимание вождя чагатайских татар и подпала под его владычество⁵⁶. В многолюдном, цветущем торговлею Испагане⁵⁷ вспыхнуло восстание против победителей. Тимур возвратился, взял город с бою и памятником своим оставил на площади испаганской пирамиду, сложенную из 70 000 человеческих черепов. Такие пирамиды расставил Тимур по значительнейшим городам Азии. Еще более горькая участь постигла Багдад⁵⁸, великолепнейший город магомеданского Востока, некогда столицу калифов Аббасидов⁵⁹. Он осмелился противиться Тимур и заплатил за эту отвагу гибелью почти всего своего населения. Часть жителей погибла в волнах Тигра⁶⁰; из черепов тех, которые пали под ударами Тимуровых воинов, выстроено было сто двадцать небольших башен. Но все эти ужасы едва ли могут сравниться с тем, что испытала Индия⁶¹. Тимур избрал тот же путь, которым некогда шел завоеватель другого рода, Александр Великий. В Пенджабе⁶² и в Гангесской долине⁶³ до Дели⁶⁴ не осталось целого города или селения. Груды развалин и трупов свидетельствовали о недавнем проходе татарских войск. Дели слыл тогда богатейшим городом Индии. Готовясь к приступу, Тимур вспомнил, что в лагере его сто тысяч пленников, которых он прежде собрал для осадных работ. Он отдал приказание немедленно предать их всех смерти. Прика-

⁵⁴ *Икона Владимирской Божьей Матери* – одна из почитаемых святынь Русской православной церкви. Согласно преданию, написанную евангелистом Лукой икону привезли на Русь в начале XII в. из Византии как подарок князю *Юрию Долгорукому* (ок. 1090–1157). С 1155 г. она хранилась в Успенском соборе во Владимире, отчего и получила название Владимирской. В 1395 г. икону перенесли из Владимира в Москву для защиты города от войск Тимура.

⁵⁵ *Василий I Дмитриевич* (1371–1425) – великий князь московский (1389–1425), старший сын князя Дмитрия Донского.

⁵⁶ Тимур начал завоевание Персии в 1386 г.

⁵⁷ *Исфахан* (Испагань) – персидский город, расположенный в центральной части страны, в долине р. Заянде у подножия гор Загрос. Исфахан был завоеван воинами Тимура в 1387 г. В настоящее время город является столицей провинции Исфахан Исламской Республики Иран.

⁵⁸ *Багдад* – город, располагающийся на обоих берегах р. Тигр, близ устья р. Дияля; со второй половины VIII в. – столица халифата Аббасидов. Багдад был основан в 762 г. по приказу халифа *Абу Джафара аль-Мансура* (между 709 и 713–775). В настоящее время город является столицей Республики Ирак.

⁵⁹ *Аббасиды* – *Аббасиды* – правившая в Дамаске, Багдаде и Самарре с 750 по 1258 г. династия арабских халифов, происходившая от *Аббаса ибн Абд аль-Мутталиба* (566–652), дяди пророка Мухаммеда.

⁶⁰ *Тигр* – река, протекающая по территории современных Турции и Ирака, возле границы с Сирией. Она берет начало на востоке Турции, пересекает часть Месопотамской низменности, сливается в Ираке с р. Евфрат и впадает в Персидский залив.

⁶¹ О завоевании Индии Тамерланом см.: Гийасаддин А. Дневник похода Тимура в Индию / Пер. с перс., предисл. и примеч. А. А. Семенова. М.: Издательство восточной литературы, 1958.

⁶² *Пенджаб* – историческая область в Южной Азии, располагающаяся в северной части Индо-Гангской равнины (территория современных Индии и Пакистана).

⁶³ *Гангесская долина* – долина р. Ганг в Индии.

⁶⁴ *Дели* (Индрапрастха, Дхиллика) – город, расположенный на севере Индии, на правом берегу р. Джамна, возник в начале I тыс. до н. э., с 1206 г. – столица Делийского султаната, а с 1526 г. – столица империи Великих Моголов. В настоящее время город является столицей Республики Индия.

зание это было в точности исполнено. В самом Дели погибло несколько сот тысяч человек. На возвратном пути из Индии Тимур увел с собою до миллиона взятых там рабов, между прочим, он приказал брать всех ремесленников и всех ученых. В этой свирепой душе таилось какое-то, можно сказать, мистическое уважение к науке. Театром дальнейших подвигов такого же рода была Сирия и владения турецкого султана, грозившего в то время Европе. Дамаск⁶⁵ и Алеппо⁶⁶ исчезли на время из списка значительных городов азиатских. Жители их были избиты или отведены в рабство вглубь степей Средней Азии. В большей части завоеваний Тимура трудно заметить какую-нибудь определенную политическую цель. Можно подумать, что им руководила безотчетная страсть к разрушению. Разорив богатую страну, срыв до основания ее города, потоптав копытами коней своих ее жатвы, настроив пирамид из отрубленных голов, он шел далее, не заботясь о прочном утверждении своей власти в оставленной им безобразной пустыне.

Встреча его с Баязидом⁶⁷ принадлежит к числу великих событий всеобщей истории. Оба они носили один и тот же тип восточного завоевателя. Но Баязид недаром коснулся европейской почвы и принял от нее влияние. Он думал об основании крепкого, опирающегося на надежные учреждения, государства. Еще до начала войны между Баязидом и Тимуром возникла любопытная переписка, где истощены были все допустимые восточными дипломатическими формами ругательства. За эти оскорбления должны были поплатиться жители Малой Азии. Первый город Баязида, на который пали удары Тамерлана, был Сиваш⁶⁸, взятый после довольно долгой осады, при которой показали особенное искусство монгольские инженеры. В этом отношении Тимур был великий человек, истинный художник. В войске его было несравненно более порядка, чем в войске Баязида; он ввел разделение на полки, ввел однообразие одежды и многое другое, что впоследствии вошло в употребление у европейских народов. Сиваш пал перед осадным искусством монголов. Жители его, магомедане, были большею частью истреблены или отведены в рабство; но еще более страшная участь постигла 4000 армянских всадников, которые защищали город в соединении с турками. Они были погребены заживо. Дальнейших подробностей казни я не смею приводить, ибо они слишком ужасны. На полях Ангоры (Анциры)⁶⁹, где некогда Помпей⁷⁰ одержал победу над Митридатом⁷¹, сошлись лицом к лицу Баязид и Железный Хромец⁷². Произошла одна из величайших битв, о которых помнит история. В деле было более миллиона ратников, пришедших из самых отдаленных стран. Тимур привел с собою дружины всей Азии; в войске

⁶⁵ Дамаск – город, расположенный в нижнем течении р. Барада. Первые упоминания о нем относятся к XVI в. до н. э. В настоящее время город является столицей Сирийской Арабской Республики. Дамаск был разрушен войсками Тимура в 1401 г.

⁶⁶ Алеппо (Халеб, Хаппа, Беройя) – город, расположенный на р. Коике в северо-западной части Сирии. Первые упоминания о нем относятся к XX в. до н. э. В 1260 г. Алеппо был захвачен монголами, а в 1400 г. разрушен войсками Тимура. В настоящее время город входит в состав провинции Халеб Сирийской Арабской Республики.

⁶⁷ Баязид I Молниеносный (Bayezit I Yildirim) (1354/ 1360–1403) – турецкий военный и политический деятель, султан из династии Османов (1389–1402).

⁶⁸ Сиваш (Кабира, Себастья, Сивас) – город, расположенный в Малой Азии, возле р. Кызыл-Ирмак. Сиваш был основан римлянами в I в. до н. э.; в 1400 г. его захватил Тимур. В настоящее время город входит в состав области Сивас Турецкой Республики.

⁶⁹ Ангора (Анцира, Анкара) – фригийский город в северной части Малой Азии, расположенный при слиянии рек Чубук и Анкара. Город был основан в VII в. до н. э. фригийским царем Мидасом. В настоящее время город является столицей Турецкой Республики.

⁷⁰ Гней Помпей (Gnaeus Pompeius) (106 – 48 до н. э.) – древнеримский военный и политический деятель, консул (70 до н. э.), в 67 г. до н. э. наделен чрезвычайными полномочиями для борьбы с пиратами в Средиземном море, наместник Испании, с 60 по 53 г. до н. э. член триумvirата (вместе с Марком Лицинием Крассом и Юлием Цезарем).

⁷¹ Митридат (Μιθριδάτης) VI Евпатор (132 – 63 до н. э.) – царь Понтийского царства (121 – 63 до н. э.) и Боспорского царства (107 – 63 до н. э.).

⁷² Сражение при Ангоре (Анкаре) между армиями Тимура и Баязида I Молниеносного состоялась 28 (или 20) июля 1402 г.

Баязида находились 20 000 сербов-христиан, которые составляли лучшую, передовую рать; за ними стояли янычары⁷³, набранные из пленных христианских детей, и уже за янычарами следовали настоящие турки. Христианскою кровью думал Баязид купить себе победу. Он был разбит наголову. Есть какое-то мрачное и поэтическое величие в рассказе о свидании Тимура с Баязидом. Тимур принял его, сидя на ковре. «Велик Господь, – сказал он, – даровавший полмира мне, хромцу, и полмира тебе, больному; ты видишь, как мало в глазах Господа земное величие». Вся беседа их была проникнута скорбью. Тимур не ругался над падшим врагом; слова его исполнены грустного сочувствия к судьбе побежденного. Рассказы позднейших писателей о том, что он заключил Баязида в клетку и обходился с ним жестоко, лишены всякого правдоподобия. Ни один современник не упоминает об этом. Напротив, мы имеем верные свидетельства, что Тимур до конца своей жизни обходился с султаном с должным уважением. Кроме восточных рассказов у нас есть рассказы европейцев, которые были свидетелями этой битвы. Между прочими при дворе Тимура находились в то время послы кастильского короля Генриха III⁷⁴. Европейские народы смотрели на Анцирского победителя, как на своего избавителя от турок, и в самом деле нашествие Тимура на 50 лет отсрочило падение Константинополя и остановило надолго успехи турецкого оружия⁷⁵. В 1403 г. Генрих III отправил к Тимуру новое посольство, при котором состоял придворный дворянин, Гонзалец де Клавиго⁷⁶, оставивший любопытный дневник своего путешествия. Послы эти не застали уже Тимура в Малой Азии и должны были ехать к нему в столицу его Самарканд. Земли, чрез которые лежал их путь, носили еще свежие следы недавних опустошений. Особенно поразительно описание Тавриса⁷⁷, где правил за Тимура сын его Мираншах⁷⁸. Город был весьма богат и принадлежал к числу складочных мест азиатской торговли, но развалины огромного, славного на целом Востоке дворца и других великолепных зданий обличали присутствие татар. Виновником в этом разорении был, впрочем, не сам Тимур. Сын его Мираншах с какою-то детскою, безумною радостью разрушал древние здания и тешился при виде пожаров, так что отец должен был, наконец, остановить его. Далее Клавиго встретил множество пирамид из человеческих голов, свидетельствовавших о победном шествии Тимура. Замечательно также описание города Самарканда. Город этот был обязан своим быстрым возвышением воле Тимура. Клавиго нашел в нем многочисленное, со всех краев Азии насильственно сведенное население. Здесь поселены были ученые, художники и ремесленники, которых Тимур привел с собою из далеких, завоеванных им стран. Магомедане жили рядом с индейцами⁷⁹ и поклонниками огня⁸⁰. Клавиго с удивлением рассказывает

⁷³ *Янычары* – «новое войско», регулярная турецкая пехота, созданная во второй половине XIV в. и просуществовавшая до начала XIX в. «Новое войско» состояло из юношей-рабов и насильственно обращенных в ислам юношей-христиан, которые считались рабами султана, должны были жить в казармах и которым запрещалось обзаводиться семьями и вести хозяйство.

⁷⁴ *Генрих III* (Enrique III) *Кастильский*, *Генрих Болезненный* (Enrique el Doliente) (1379–1406) – король Кастилии и Леона (1390–1406).

⁷⁵ 29 мая 1453 г. турецкие войска захватили Константинополь.

⁷⁶ *Гонзалец де Клавиго* – *Клавихо* (Clavijo) *Руй Гонсалес де* († 1412) – испанский путешественник, дипломат, писатель, с 1403 по 1406 г. возглавлял посольство, отправленное королем Генрихом III Кастильским к Тимуру. Путешествие в Самарканд Р. Г. де Клавихо описал в дневнике «Жизнь и деяния великого Тамерлана, с описанием земель его империи» («Embajada a Tamorlán», 1582). См.: *Клавихо Р. Г. де Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406)* / Пер. со стар. исп., предисл. и коммент. И. С. Мироковой. М.: Наука, 1990.

⁷⁷ *Таврис* (Тебриз) – персидский город, расположенный при впадении р. Мехранруд в р. Аджичай на северо-западе страны. Согласно преданиям, основан армянским царем Хосроем I. В настоящее время Тебриз входит в состав провинции Восточный Азербайджан Исламской Республики Иран.

⁷⁸ *Миран-шах* – *Мираншах* (1366–1408) – среднеазиатский военный и политический деятель, третий сын Тимура, получивший в 1393 г. в управление западные области государства отца, но из-за психической болезни в 1399 г. его отстранили от государственных дел.

⁷⁹ *Индейцы* (индеи) – распространенный в России до середины XIX в. термин, с помощью которого обозначали всех жителей Индии – индийцев.

о великолепном дворе и дворце Тимура, и об орде, или летнем стойбище его, которое состояло из 20 000 разбитых юрт, т. е. палаток. Часть юрт была покрыта снаружи парчами, внутри украшена драгоценными камнями, добытыми в походах. Когда Тимур принимал Клавиго, он был уже в преклонной старости, едва мог сидеть и с трудом мог поднять глаза на посла. Но в хилом теле жила еще крепкая и свирепая душа. Железный Хромец предпринимал в это время поход на Китай. Он собрал вождей своих и сказал им: «На душе моей и вашей много грехов; много мы пролили крови магомеданской; пора смыть ее другою более угодною Господу кровью; пойдем избить китайских язычников». Другое любопытное описание, оставленное европейцем, принадлежит немцу Шильдпергеру⁸¹. Он был родом из Мюнхена и находился оруженосцем в службе у одного из рыцарей, участвовавших в несчастной для христиан битве при Никополесе (1395)⁸², в которой Баязид разбил наголову Сигизмунда Венгерского⁸³. Турки изрубили большую часть своих пленников. Шильдпергера спасла его молодость. Он поступил в свиту султана, был при нем в сражении Анцирском и вместе с ним попался в плен к татарам. Он пережил Баязида и Тимура, служил сыновьям последнего; потом продавал свою службу разным магомеданским князьям и возвратился в Европу после 22-летнего скитания по Востоку. Шильдпергер был грубый и необразованный немецкий наемник. Он торговал своею кровью и без зазрения совести проливал чужую. Рассказы его носят отпечаток этого бесчувственного равнодушия. Он спокойно передает своим читателям ужасы, которых был сам свидетелем, или слышанные от других. Между прочими у него есть следующий рассказ: однажды жители города, навлекшего на себя гнев Тимура, выслали для умилоствления его детей своих. При виде этих малюток, шедших с песнями из Корана ему навстречу, в Тимуре разыгрался дух истребления. Он помчался на них на коне своем и приказал своей коннице следовать за ним. Несчастные родители, стоявшие на городских стенах, были свидетелями гибели детей своих, потоптанных татарскими конями. Случай этот, вероятно, повторился несколько раз. Шильдпергер рассказывает его об Испании, магомеданские истории – о каком-то из городов Малой Азии.

Я уже заметил, что в деятельности Тимура не должно искать господствующей, основной политической мысли. Похвалы некоторых новых историков, например Гаммера⁸⁴, которые видят в Железном Хромце основателя какой-то особенной цивилизации, очевидно, натянуты. Где следы и признаки этой цивилизации? Тимур был одержим ненасытимою жаждою деятельности, но у него не было определенной и ясно сознанной цели. Законы, им изданные, не доказывают противного. Они могли скрепить временное, на одной силе основанное могущество, но не могли упрочить существования настоящего государства. Все, что в

⁸⁰ *Поклонники огня* – очевидно, подразумеваются персы-зороастрийцы.

⁸¹ *Шильдбергер* (Schiltberger) (Шильтпергер, Шильдбергер) Иоганн (1381 – после 1440) – немецкий военный, путешественник, писатель, участник похода против турок, организованного Сигизмундом I Люксембургом (1395), попал в плен к туркам (1396), служил при дворе султана Баязида I, вторично пленен в 1402 г., после 22 лет скитаний возвратился в Европу, автор «Путешествия Иоганна Шильдбергера из Мюнхена по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год» («Reisen des Johannes Schiltberger aus München in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427», 1475). См.: Путешествия Ивана Шильдбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год / Пер. с нем. и снабдил примеч. Ф. Брун. Одесса: Типография Л. Нитче, 1866.

⁸² *Никополес* – *Никополь* – болгарский город, расположенный при впадении р. Осмы в Дунай на севере страны. В настоящее время город входит в состав Плевенской области Республики Болгария. 25 сентября 1396 г. возле Никополя турки под командованием султана Баязида I Молниеносного разбили армию крестоносцев Сигизмунда I Люксембурга.

⁸³ *Сигизмунд Венгерский* – *Сигизмунд I* (Sigismundus I) *Люксембург* (1368–1437) – военный, политический и религиозный деятель, король Венгрии (1387–1437) и Чехии (1419–1421, 1436–1437), император Священной Римской империи (1410–1437) из династии Люксембургов, основатель рыцарского ордена Дракона для охраны Креста Господня и борьбы с язычниками (1408).

⁸⁴ *Гаммер* — *Гаммер-Пургшталь* (Hammer-Purgstall) *Йозеф фон* (1774–1856) – австрийский ученый-востоковед, дипломат, сотрудник австрийской миссии в Османской империи (1799–1807), президент Венской Академии наук (1847–1849), автор десятитомной «Истории Османской империи» («Geschichte des Osmanischen Reichs», 1827–1835).

состоянии сделать одна сила, было сделано Чингисом и Тимуром. Поэтому подвиг их был более разрушительный, нежели творческий. Внешняя сила принадлежит к числу великих деятелей всеобщей истории, но деятельность ее ограничивается исполнением. Там, где она не соединена с плодотворными идеями, ее произведения непрочны и бесполезны. Персы недаром называли Тимура ненасытным, вечно стремящимся и никогда не достигающим. В нем самом было смутное, но возвышенное понятие о значении науки и, следовательно, мысли. Он охотно беседовал с учеными, знал исторические предания Востока и Запада, уважал астрономию и презирал астрологию. «Счастье и несчастье человека зависят, – сказал он однажды, – не от положения звезд, а от воли Того, Кто создал и звезды, и человека». Жестокая душа проглядывала, впрочем, даже в богословских прениях его. Он любил смущать собеседников своих опасными вопросами. При зареве алеппского пожара⁸⁵, при криках погибавшего населения, он равнодушно вел ученый разговор с тамошними муллами. «В битве под Алеппом, – спросил он у них, – пало много моих и ваших воинов: которые из них достойны рая?» – «Те, которые пали с верою в Бога», – отвечал умный муфти⁸⁶.

Тимур умер в 1405 г.⁸⁷ Не прошло ста лет по его кончине, а государство его уже рушилось. Только в Индии уцелели его потомки, окруженные внешним блеском власти, но бессильные, лишенные даже личной свободы преемники великого монгола⁸⁸. В других частях Азии Тимуриды⁸⁹ были вытеснены местными династиями. Когда Тимур предпринимал новый поход, он говорил о врагах своих: «Я повею на них ветром разрушения». Ветер разрушения повеял на его собственное дело и на род его. Единственным следом завоеваний, наполнивших громом свои последние десятилетия XIV века, остались пирамиды из черепов человеческих. К этим памятникам можно еще прибавить – безлюдные пустыни, которые образовались в странах некогда цветущих и населенных. Вспомните о степях нынешнего Туркестана⁹⁰. Огромные развалины городов, остатки водопроводов свидетельствуют, что не природа положила на эти земли страшный и дикий характер, каким они теперь отличаются. Здесь прошли монголы. Человек легко привыкает к опасностям, которыми грозит ему природа. Он строит новое жилище у подножья вулкана, на лаве, поглотившей его отца; он не уступает морю подверженного беспрестанным наводнениям, но выгодного для торговли берега, и смело ставит свой дом на развалинах другого, смытого волнами. Корысть и другие побуждения удерживают его даже там, где вечно царствует зараза. Взгляните на Новый Орлеан⁹¹ и на Батавию⁹². Но монголы и татары действовали с большим успехом, чем

⁸⁵ *Алеппский пожар* – подразумевается взятие войсками Тамерлана г. Алеппо (1400). Город пал благодаря тому, что Тимур приказал заполнить крепостной ров телами своих погибших воинов.

⁸⁶ *Муфти* – *муфтий* – в исламе: высшее духовное лицо у мусульман-суннитов, наделенное правом выносить решения по религиозным и юридическим вопросам.

⁸⁷ Тимур умер 15 или 18 февраля 1405 г. в г. Отраре, расположенном в среднем течении р. Сырдарья.

⁸⁸ Речь идет о династии Великих Моголов, правивших в Индии с 1526 по 1858 г. Она была основана *Бабуrom Захиреддином Мухаммедом* (1483–1530), узбекским полководцем и поэтом, происходившим из рода Тимуридов. О династии Великих Моголов см.: *Бернье Ф.* История последних политических переворотов в государстве Великого Могола / Предисл. А. Пронина; пер. с фр. Б. Жуховецкого, М. Томара. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936; *Фарзалиев А. М., Мамедова Р. М.* Сефевиды и Великие Моголы в мусульманской дипломатике. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. (Азиатика); *Беренстен В.* Империя Великих Моголов / Пер. с фр. Н. Григорьевой. М.: Астрель; АСТ, 2006. (История. Открытие).

⁸⁹ *Тимуриды* – основанная Тимуром, династия правителей в Мавераннахре, Хорезме, Хорасане (Герате) в 1370–1507 гг.

⁹⁰ *Туркестан* – в XIX – начале XX в.: населенная тюркскими народностями, историко-географическая область, в состав которой входили современные Средняя Азия, Казахстан и часть Центральной Азии. Туркестан разделялся на три части: русскую, китайскую и афганскую.

⁹¹ *Новый Орлеан* – американский город, расположенный в дельте р. Миссисипи; основан французскими колонистами в 1718 г. В настоящее время Новый Орлеан входит в состав штата Луизиана Соединенных Штатов Америки.

⁹² *Батавия* (Джаякарта, Джакарта) – город на северо-западном побережье о. Ява; основан в 1525 г. португальцами на месте небольшого поселения. С 1619 по 1945 г. Батавия находилась под властью голландцев и была столицей генерал-губернатора. В настоящее время город является столицей Республики Индонезии.

вулканы, море и мор. Есть земли, в которых, по-видимому, навсегда остался след их опустошений. Они утратили даже природное плодородие, каким славились прежде.

Приведенный мною выше отзыв венецианца Марка Поло может и теперь служить характеристикой монгольских нравов. Монгол вернулся в родные степи, из которых вывел его Чингис-хан. Он снова живет в войлочной юрте своей, пасет свое стадо и забыл о той своей роскоши, с которой познакомились его предки в XIII и XIV столетиях. Пора Чингиса и Тимура прошла как сон. По-прежнему раздается в монгольских степях унылая, хватающая за душу песня, в которой иногда звучат отголоски минувшей славы и надежда на новые подвиги, на новое величие. Надеждам этим не суждено более сбыться. Если бы поднялась снова такая личность, как Чингис или Тамерлан, и позвала народ свой к изведанной уже деятельности – усилия ее неминуемо должны сокрушиться о новые исторические условия. Куда повел бы теперь свое ополчение честолюбивый вождь степных племен? На юг, к Индии, постоянной цели восточных завоевателей? Но там образовалась стена более крепкая, чем Гималайский хребет⁹³. Там встретит он не прежних, способных только к страдательному мужеству индейцев, а твердые сипайские полки⁹⁴ под начальством английских офицеров. Двинется ли он другим, знакомым уже путем к Западу? Но его ждет здесь крепкое, христианское, образованное государство, пережившее с честью долгий период своего исторического искусства. Напор монгольский не страшен более России, еще недавно одолевшей завоевателя более грозного, чем великие ханы⁹⁵. Бывшие властители наши должны в свою очередь испытать русское влияние. Но Россия платит им не гнетом за гнет. Христианское государство вносит в юрты дикарей истинную веру и неразлучные с нею образованность и гражданственность. Нашему отечеству предстоит облагородить и употребить в пользу человечества силы, которые до сих пор действовали только разрушительно. Начало уже сделано. В 1813 и 1814 г. изумленная Европа видела в числе избавителей своих от французского ига башкира и калмыка, стоявших рядом и за одно дело с самыми благородными и просвещенными юношами Германии⁹⁶.

⁹³ *Гималаи* – горная система, отделяющая Тибетское нагорье на севере от Индо-Гангской равнины на юге. Гималаи располагаются на территории Индии, Китая, Непала и Пакистана. Они разделяются на три ступени: Предгималаи (Сиваликский хребет), Малые Гималаи (хребты Пир-Панджал, Дхаоладхар, Махабхарат) и Большие Гималаи (Главный Гималайский хребет).

⁹⁴ *Сипайские полки* – в XVIII–XX вв. в Индии: полки, набранные из местного населения и управлявшиеся англичанами.

⁹⁵ Речь идет о нашествии Наполеона I Бонапарта на Россию в 1812 г.

⁹⁶ Подразумеваются заграничные походы русской армии (1813–1814), в которых принимали участие подразделения, набранные из башкир и калмыков.

Чтение второе. Александр Великий

Предыдущее чтение мое было посвящено характеристике восточного завоевателя; мы видели кровавый след, оставленный монгольскими конями, и не нашли других памятников, обличающих прочное влияние Тимуровых завоеваний. Сегодня я буду иметь честь беседовать с Вами о завоевателе западном – о македонском Александре. В истории не много имен, с которыми связано столько славы и столько упреков. Вам известно, в каком состоянии находилась Греция в эпоху, когда выступил Александр на поприще истории. То была пора разложения греческой городской жизни, пора перехода от республиканских форм к монархическим. На какую бы часть Греции мы ни взглянули, везде видим под пестротой разнообразных явлений один и тот же упадок коренных основ греческой цивилизации. Пелопонесская война⁹⁷ положила конец блестящему, не повторенному более историю, развитию греческой жизни. В борьбе доризма и ионизма⁹⁸ рушилось прекрасное равновесие стихий, из которых слагалась эта жизнь, и сокрушились силы, сгладились лучшие особенности тех республик, которые дотоле стояли по праву во главе остальной Греции. Спарта⁹⁹ заплатила за свою победу утрату внутренних условий своего могущества. За нею осталась слава военных доблестей, но простота древнего быта исчезла невозвратно. Корыстолюбие и лицемерие, прикрывавшие наружную грубостью внутреннюю порчу, стали отличительными чертами ее граждан, нагло торговавших выгодами и честью целой Греции. В более привлекательном виде являются Афины; но от афинян IV века не должно также требовать строгих доблестей марафонского поколения¹⁰⁰ или изящных свойств демоса¹⁰¹, современного Периклу¹⁰². Нужно ли говорить о Фивах¹⁰³, которых мимолетное величие было делом двух великих мужей¹⁰⁴, унесших с собою в могилу недоконченные начинания свои? Едва ли могло удалиться Эпаминонду¹⁰⁵ задуманное им политическое преобразование Греции; но он против воли и ведома окончательно поколебал и без того шаткие основы древнего гражданского и религиозного быта. Словом, распадение городской жизни и республиканских форм очевидно. Но какие же формы заменят их? Какая другая жизнь загорится на этих еще сохранивших часть первобытной красоты

⁹⁷ *Пелопоннесская война* – война Делосского союза (объединения приморских городов и островов Эгейского моря) во главе с Афинами против Пелопоннесского союза (объединения городов Пелопоннеса) под предводительством Спарты в 431–404 гг. до н. э., завершившаяся падением Афин и роспуском Делосского союза.

⁹⁸ *Дорийцы и ионийцы* – два основных древнегреческих племени. Дорийцы обитали в Северной и Средней Греции, а ионийцы – в Аттике (на юго-востоке Средней Греции). Противостояние Афин и Спарты во время Пелопоннесской войны усугублялось тем, что афиняне были ионийцами, а спартанцы – дорийцами.

⁹⁹ *Спарта* (Лакедемон) – древнегреческий город-государство (полис), расположенный в долине р. Эврот, на юге полуострова Пелопоннес. В настоящее время город является административным центром области Лакония Греческой Республики.

¹⁰⁰ Имеется в виду поколение, одержавшее победу над Персией в ходе греко-персидских войн (500–449 до н. э.). 13 сентября 490 г. до н. э. возле поселения Марафон (в 40 км к северо-востоку от Афин) состоялось сражение, в ходе которого афиняне разгромили персидскую армию.

¹⁰¹ *Демос* – свободное обладающее гражданскими правами население городов-государств в Древней Греции.

¹⁰² *Перикл* (Περικλῆς) (ок. 490–429 до н. э.) – древнегреческий военный и политический деятель, вождь демократической группировки в Афинах, стратег (444/443 – 431, 429 до н. э.).

¹⁰³ *Фивы* – древнегреческий город, располагающийся на Аонийской равнине в Средней Греции (Беотии). Согласно преданиям, город был основан сыном финикийского царя Кадмом. Его возвышение относится к VI в. до н. э., когда Фивы возглавили Беотийский союз, объединивший большинство городов Средней Греции. В настоящее время Фивы входят в состав Беотийской префектуры Греческой Республики.

¹⁰⁴ Подразумеваются древнегреческие политические и военные деятели, организаторы антиспартанского переворота в Фивах (379 до н. э.), одни из руководителей Беотийского союза во время войны с Пелопоннесским союзом (378–362 до н. э.): *Пелопид* (Πελοπίδης) (ок. 410–364 до н. э.) и *Эпаминонд* (Ἐπαμεινώνδας) (ок. 418–362 до н. э.).

¹⁰⁵ Эпаминонд был приверженцем демократического строя и рассчитывал возродить его в городах, находившихся под властью олигархической Спарты.

развалинах? Ответ на эти вопросы готовилось дать новое государство, лежавшее вне пределов настоящей Греции, на север от нее, но тесно с нею связанное племенными узами и образованностью, которую высшие сословия македонского народа черпали из Греции. Давно уже македонские государи принимали участие в делах греческих республик, но участие это определялось не столько честолюбивыми замыслами и надеждами этих государей, сколько желанием их найти себе опору против врагов в союзе с Афинами, Спартой, или, наконец, Фивами. Такое отношение между греками и македонцами продолжалось до Филиппа¹⁰⁶. Священная война¹⁰⁷ дала ему возможность вмешаться в распри греческих республик, не второстепенным союзником, по примеру своих предшественников, а решителем спора. Прошло еще несколько лет и Херонейская битва¹⁰⁸ уничтожила последние надежды людей, веривших в возможность восстановления прежнего порядка вещей. Филипп был признан главою соединенных греческих сил. Для какой же цели?

Я сказал выше о всестороннем разложении греческой жизни. Оно обнаружилось не только в сфере политической, но и в сфере духовной. Аристотель¹⁰⁹ был величайшим, но в то же время последним самостоятельным деятелем греческой науки; искусство остановилось еще ранее. К концу IV-го столетия образованность Греции принесла уже и цвет, и плод свой. Она еще красовалась дивным богатством изящных форм и великих идей, но органическое развитие ее кончилось, и дальнейшего роста от нее нельзя было ждать. Ей предстояло перейти к другим народам и принять в себя извне, чрез сближение с новыми, ей чуждыми стихиями, семена нового развития. Из сказанного не следует, однако, заключать, что в разбираемую нами эпоху греческой истории не было вовсе деятельности и потребности в ней. Напротив, потребность деятельности была большая, но ей не было удовлетворения. Поколениям IV-го столетия казался узким театр, на котором отцы их совершали свои бессмертные подвиги. Обмелевшая городская жизнь не представляла более честолюбивому гражданину достаточного простора. Личные цели отдельных граждан превосходили объемом силы и средства ослабевших республик. Следствием этого хода вещей был совершенный упадок местного патриотизма и стремление открыть вне пределов родины поприще, достойное накопившихся и праздных сил. Таким поприщем мог служить только Восток, именно Персия, в которой с конца V столетия постоянно играют важную роль греческие наемники. В рядах этих продажных дружин стояли нередко лучшие люди Афин и Спарты, скучавшие мелкими вопросами и распрями, занимавшими их родину. Они-то принесли с собою из далеких походов, предпринятых вглубь владений великого царя, мысль о возможности завоевать государство, обнимавшее целую треть Азии. Мысль эта перешла от воинов к государственным людям и писателям Греции. По трудности исполнения, по важности результатов такое предприятие достойно было внимания величайших умов и благороднейших сердец. Речь шла не об одной славе или добыче, а о политическом восстановлении Греции, о замене умиравших местных интересов одним общеэллинским. Рассказы наемников

¹⁰⁶ *Филипп* (Φίλιππος) *II Македонский* (382–336 до н. э.) – македонский царь (359–336 до н. э.), отец Александра Македонского.

¹⁰⁷ Речь идет о Третьей Священной войне между амфикифонией (религиозно-политическим союзом племен и городов в Древней Греции) и фокейцами в 355–346 гг. до н. э. Филипп II Македонский использовал Священную войну для вмешательства в политическую жизнь Греции. С помощью фессалийцев он разбил фокейцев. Все города в Фокиде были разрушены и жителям было запрещено возобновлять старые или строить новые города. Со временем победа над фокейцами помогла Филиппу II утвердить македонское влияние в Греции.

¹⁰⁸ *Херонея* – город в Средней Греции, возле которого в 338 г. до н. э. армия Филиппа II Македонского разгромила объединенные войска Афин и Беотии. Херонейское сражение завершило подчинение Греции македонскому царю.

¹⁰⁹ *Аристотель* (Ἀριστοτέλης) (Стагирит) (384–322 до н. э.) – древнегреческий философ, ученый-энциклопедист, основоположник формальной логики, воспитатель Александра Македонского (с 343 до н. э.). О нем см.: *Чанышев А. Н.* Аристотель. 2-е изд. М.: Мысль, 1987. (Мыслители прошлого); *Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А.* Платон. Аристотель. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2000. (Жизнь замечательных людей: Серия биографий. Вып. 777).

и сочинения известных писателей, напр. Исократ¹¹⁰, равно действовали на общественное мнение и подготавливали его к делу, которое год от году казалось не только более возможным, но даже необходимым. При внутреннем бессилии отдельных частей соединенная Греция располагала огромными средствами для войны наступательной. У мыса Тенара¹¹¹, в других таких же сборных местах, тысячи наемников продавали свою отвагу и знание военного дела любому покупщику. Когда Филипп стал во главе Греции и объявил поход против персов¹¹², он столько же следовал внушениям собственного честолюбия, сколько требованиям общественного мнения. Ему, как видите, досталось на долю быть только исполнителем мысли, давно задуманной и уже громко высказанной. Походы Агезилая¹¹³ в Малой Азии были первою попыткою ее осуществления. Филипп погиб в 336 г.¹¹⁴, среди приготовлений к великому предприятию. Место его заступил сын его Александр. Трудно было начать царствование при обстоятельствах более неблагоприятных. Вся Греция восторгалась при одном известии о смерти Филиппа. Демосфен¹¹⁵ забыл недавнюю утрату дочери, сложил с себя траур и, увенчанный цветами, пришел на площадь возвестить афинянам о смерти македонского царя¹¹⁶. Греция взволновалась от одного конца до другого, увлеченная надеждами на возврат невозвратимых форм ее прежней жизни. Филипп погиб вследствие заговора. Неизвестно, кто был зачинщиком заговора. Знаем только, что в нем принимали участие мать Александра, Олимпия¹¹⁷, македонская аристократия и персидский двор. Дело шло о перемене династии. Силы заговорщиков были велики. Один из главных, Аттал¹¹⁸, стоял во главе сильного отряда в Малой Азии. На севере и на западе поднялись новые враги – полудикие племена фракийские¹¹⁹ и иллирийские¹²⁰, хотевшие воспользоваться молодостью царя. Во все стороны должен был озираться Александр, против всех опасностей должен был находить средства. Но эти средства он нашел в себе самом. Прежде всего, он устремился на Фракию¹²¹. Двадцатилетний полководец совершил изумительный поход, прошел через Балканские ущелья, пере-

¹¹⁰ *Исократ* (Ἰσοκράτης) (436–338 до н. э.) – древнегреческий оратор, учитель красноречия, публицист, политический деятель, сторонник объединения Эллады. Идею общегреческого похода на Восток Исократ высказал в памфлете «Панагирик» (380 до н. э.; см.: Панагирик Исократ / Пер. А. Замятина. Смоленск: Типография П. А. Ельчанинова, 1883). Об Исократе подробнее см.: *Исаева В. И.* Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М.: Наука: Восточная литература, 1994.

¹¹¹ *Тенар* (Ματαπάν) – мыс, расположенный в Лаконии, на юге Пелопоннеса. Согласно преданиям, рядом с мысом находился вход в царство мертвых. Мыс Тенар был одним из основных мест вербовки военных наемников.

¹¹² Филипп II Македонский намеревался начать Азиатский поход в 336 г. до н. э.

¹¹³ *Агезилай* – *Агесилай* (Ἄγισίλαος) II (ок. 442—ок. 358 до н. э.) – древнегреческий военный и политический деятель, дипломат, царь Спарты (401 до н. э.), в 396–394 гг. до н. э. командующий греческими войсками в войне с Персией, один из лидеров Пелопоннесского союза во время войны с Беотийским союзом (378–362 до н. э.).

¹¹⁴ В 336 г. до н. э. Филипп II Македонский был убит телохранителем Павсанием на свадьбе своей дочери.

¹¹⁵ *Демосфен* (Δημοσθένης) (ок. 384–322 до н. э.) – древнегреческий общественный и политический деятель, оратор, один из лидеров антимакедонской группировки в Афинах.

¹¹⁶ См.: *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания: В двух томах / Изд. подгот С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. 2-е изд. Т II. М.: Наука, 1994. (Литературные памятники). С. 332.

¹¹⁷ *Олимпия* – *Олимпиада* (Ἰλμπίας) (ок. 376–316 до н. э.) – эпирская царевна, четвертая жена македонского царя Филиппа II (359–337 до н. э.), мать Александра Великого.

¹¹⁸ *Аттал* (Ἀττάλος) (ок. 390–336 до н. э.) – македонский военный и политический деятель, командующий гарнизоном в Малой Азии (336 до н. э.), дядя *Клеопатры Эвридики* (Κλεοπάτρα Εὐρυδική) (ок. 355–336 до н. э.), пятой жены Филиппа II Македонского. Аттал добивался лишения Александра – сына Филиппа II Македонского от Олимпиады – права взойти на престол в пользу возможных наследников по линии Клеопатры.

¹¹⁹ *Фракийцы* – индоевропейские племена (геты, даки и др.), обитавшие на северо-востоке Балканского полуострова и на северо-западе Малой Азии.

¹²⁰ *Иллирийцы* – индоевропейские племена (далматы, дарданы и др.), жившие на северо-западе Балканского полуострова и на юго-востоке Апенинского полуострова. В 335 г. до н. э. Александр Великий подчинил себе племена фракийцев и иллирийцев.

¹²¹ *Фракия* – историческая область, заселенная фракийскими племенами и расположенная в восточной части Балканского полуострова. В настоящее время территория Фракии входит в состав Болгарии, Греции и Турции.

правился чрез Дунай, разбил гетов¹²² на противоположном берегу и заставил фракийцев дать себе в виде заложников такие войска, которые могли ему служить с пользой против персов. На возвратном пути он разбил иллирийцев и взял с них такую же дань людьми, усиливая войско свое разноплеменными, приспособленными к войне всякого рода отрядами.

Но в Греции гроза увеличивалась. Фивы поднялись явно и отбили стоявший в их городе македонский гарнизон; Афины вооружились; жители Пелопонеса шли на помощь Фивам. Никто не хотел верить счастливому окончанию Александрова похода против фракийцев. А между тем Александр прошел непроходимые ущелья Пинды¹²³ и явился под стенами Фив¹²⁴. Город пал; жители были наказаны за попытку восстания и бесполезное упорство защиты смертью и продажей в рабство. Александр должен был, с одной стороны, уступить требованиям помогавших ему виотийцев¹²⁵, которые ненавидели фиванцев; с другой, он хотел строгим примером внушить страх остальным грекам и отбить у них охоту к подобным восстаниям во время предстоявшей войны с персами. Доказательством, что судьба разрушенного города лежала на сердце Александра, может служить его кроткое обращение с теми фиванцами, которые воевали против него в рядах персидских и были взяты в плен. Падение Фив ужаснуло взявшуюся за оружие Грецию и охладило ее вольнолюбивый порыв. Тогда замолк и великий голос Демосфена, единственного противника, который мог быть опасен Александру¹²⁶. Демосфен принадлежал к числу тех трагических, одиноко стоящих в истории личностей, в которых горячая любовь к прошедшему соединяется с ясным сознанием невозможности призвать его снова к бытию. Он хотел удержать, по крайней мере, те части этого прошедшего, в которых еще были признаки жизни, и без устали боролся с Филиппом, в котором не без основания видел самого опасного врага греческой старины. Фивы пали, и Демосфен отказался от безнадежного спора. Он понял, что дело, начатое Филиппом, перешло в более крепкие, непобедимые руки. В самом деле, что могла противопоставить Греция двадцатидвухлетнему вождю, на которого природа и судьба расточили дары свои? Ему дана была даже внешняя красота, так сильно действовавшая на народ, по преимуществу одаренный художественным чувством изящной формы. Женственная прелесть его лица сменялась иногда грозным выражением, напоминавшим гневного Зевса¹²⁷. Кассандр¹²⁸ не мог забыть этого выражения много лет после смерти Александровой и, будучи сам царем македонским, содрогался при виде статуй своего великого предшественника. Вам, вероятно, известно, какое воспитание дал сыну Филипп. Аристотель передал своему ученику все богатство идей, выработанных до него греческою наукою, и можно без преувеличения сказать, что ученик стал во многом выше наставника. Греция, с такою неприязнью принявшая весть о вступлении Александра на македонский престол, поддалась вскоре обаянию его личности и привязалась к нему с тою способностью увлечения, которую она сохранила от юных дней своей истории. Могли ли Афины долго враждовать против изящного юноши, в котором воплотились прекрасные стороны греческого ума и характера? Кому, как не ему, было докончить

¹²² *Геты* – северо-восточные фракийские племена, обитавшие на территориях возле Нижнего Дуная.

¹²³ *Пинд* – горный массив на западе Балканского полуострова, состоящий из нескольких хребтов, разделенных глубокими речными долинами.

¹²⁴ В сентябре 335 г. до н. э. армия Александра Македонского взяла штурмом Фивы и разрушила город.

¹²⁵ *Виотийцы* – беотийцы.

¹²⁶ После падения Фив Демосфен вынужден был бежать из Афин в Этну и Трезены. Он возвратился в Афины лишь после смерти Александра Македонского.

¹²⁷ *Зевс* – в греческой мифологии: сын титанов Кроноса и Реи, верховный бог, отец олимпийских богов, повелитель людей.

¹²⁸ *Кассандр* (Κάσσανδρος) (ок. 355–297 до н. э.) – македонский военный и политический деятель, царь Македонии (306–297 до н. э.).

поэтический подвиг, начатый гомерическими героями¹²⁹, с которыми он представлял такое поразительное сходство?

Многие историки возводят на Александра следующее обвинение. Они говорят, что он начал свое предприятие как искатель приключений, что он позабыл обеспечить себе возврат и играл судьбою как отчаянный игрок, а не как истинно великий человек. На это легко отвечать. Александр недаром вслушивался с детских лет в рассказы о Персии; недаром он, еще будучи ребенком, расспрашивал персидских послов о силах их царя, о путях, ведущих к его столицам, о разноплеменных народах, составляющих его государство. Начиная поход, он глубоко знал средства, какими располагал неприятель, и на этом основании расположил план будущих действий. Если бы могущество государств измерялось числом квадратных миль, которое они занимают, и количеством народонаселения, то конечно борьба с Персией могла бы казаться безумием; но Александр иначе понимал государство: он знал, что кроме внешних сил есть в нем другие – нравственные, которые в великих борьбах народов всегда берут перевес. Ему было известно, что персидское царство, связанное завоеваниями Кира¹³⁰ из разнородных племен, разлагалось на составные свои части, и что во многих сатрапиях¹³¹ уже введена была наследственность. Каждый сатрап считал себя самостоятельным правителем вверенной ему области и мало заботился о выгодах целого государства. Недавние смуты еще более ослабили власть царя, от большей или меньшей крепости которой зависела дальнейшая судьба Персии. С другой стороны, должно сказать, что материальные средства Персии были огромны, почти неисчислимы. Нужна была только опытная рука для того, чтобы привести в действие праздные силы и возратить государству положение, в каком оно находилось при первом Дарии¹³². К несчастью для Александра и к большей славе его, в это время в Персии была такая рука. Вождем греческих наемников в персидской службе был Мемнон¹³³, родом из Родоса¹³⁴, человек гениальных способностей, но внутренне испорченный, отрекшийся от своей родины, совершенно преданный Персии. Он не ослеплял себя, подобно Дарию и персидским сатрапам, насчет грозившей опасности и предложил средство к ее отвращению. Он говорил: «В чистом поле мы не можем бороться с Александром; а между тем у нас есть деньги и флот; в тылу у Александра мы составим наемное греческое войско и перенесем войну на македонскую почву. Греция не устоит против двойного искушения корысти и свободы». План Мемнона поддерживали многочисленные греки, вступившие в персидскую службу не из одних только корыстных или честолюбивых видов. Благороднейшие афинские граждане находились в то время в стане Дария и готовились к войне против соотечественников. Они понимали, что поход Александра решит вопрос о самостоятельном существовании их родины. Завоевателю Персии, конечно, нетрудно было бы справиться с Афинами или Спартою. Некоторые из этих выходцев носили громкие имена и были во всех отношениях противниками, достойными Александра. Таковы были между прочими

¹²⁹ Подразумеваются герои «Илиады» и «Одиссеи» – эпических поэм легендарного древнегреческого поэта Гомера (Ἡρόδοτος) (между XII–VII до н. э.). См.: *Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича. Л.: Наука, 1990. (Литературные памятники); Гомер. Одиссея / Пер. В. А. Жуковского. М.: Наука, 2000. (Литературные памятники).*

¹³⁰ *Кир II Великий* († 530 до н. э.) – персидский военный и политический деятель, царь Персии из династии Ахеменидов (558–530 до н. э.), глава союза персидских племен, воевавших против мидян (558–553 до н. э.). В 550–530 гг. до н. э. он присоединил к персидской державе Мидию, Лидию, греческие города Малой Азии, Армению, Вавилонию, Парфию и Бактрию.

¹³¹ *Сатрапия* – управлявшиеся сатрапами военно-административные округа в Персии во время правления династии Ахеменидов (558–330 до н. э.).

¹³² *Дарий I* († 486 до н. э.) – персидский военный и политический деятель, царь Персии из династии Ахеменидов (522–486 до н. э.).

¹³³ *Мемнон* (Μεμνων) *Родосский* (ок. 380–333 до н. э.) – древнегреческий военный деятель, состоял на службе у персидского сатрапа Фригии, командир персидских войск в Малой Азии (340 до н. э.), главнокомандующий персидской армии и флота (334 до н. э.).

¹³⁴ *Родос* – греческий остров, располагающийся в восточной части Средиземного моря.

Эфиальт¹³⁵ и Леосфен¹³⁶, впоследствии известный вождь Ламийской войны¹³⁷. Расчеты Александра на оплошность врагов оказались, по-видимому, ложными. Его ждали в Азии не одни нестройные ополчения сатрапов, а с ними вместе опытные греческие войска под начальством превосходных вождей. План Мемнона был тщательно обдуман и исполнение вверено надежным людям. Александр вел с собою менее 40 тысяч человек, но состав этой армии был изумительный. Она заключала в себе, как уже было замечено выше, самые разнообразные роды войск. При ней был устроен даже генеральный штаб, разделенный на два отделения, из которых одно занималось исключительно составлением карт и планов, другому вверены были инженерные работы. Нашей артиллерии соответствовали стенобитные и другие орудия, из подробного описания которых можно составить себе понятие о высоком состоянии математических наук в то время. Денежные средства македонского царя были несравненно ниже его замыслов. В начале похода у него оставалось не более ста тысяч рублей на наши деньги, но он знал, что война питает войну, и не заботился о предстоящих издержках.

Когда македонские войска переправились в Малую Азию, план Мемнона еще не был приведен в исполнение персидским правительством, и потому Александр получил возможность одержать блестящую победу при Гранике¹³⁸. Другого полководца, конечно, увлекла бы далее свежая, только что приобретенная слава, но Александр не поддался искушению. Вместо того, чтобы преследовать разбитого неприятеля, он пошел назад и обратил все свои усилия против приморских городов. Ему нужно было отрезать персидский флот от гаваней, в которых он находил убежище и запасы. Города сдавались один за другим; упорнее прочих держался Галикарнасс¹³⁹, защищаемый афинянином Эфиальтом. Эфиальт был убит, и Галикарнасс отворил ворота победителю. Впрочем, македонцы были обязаны своими быстрыми успехами в Малой Азии не одному оружию. Александр явился там не как враг и иноплеменник, а как освободитель от чужеземного ига. Еще пред открытием военных действий совершил он близ развалин древней Трои¹⁴⁰ великолепные поминки Ахиллу и Патроклу¹⁴¹, предшественникам своим в нескончаемой распре Запада с Востоком, и связал, таким образом, свое предприятие с эпическими преданиями греческого мира¹⁴². Находившиеся под персидским владычеством малоазиатские города получили от него обещание политической самостоятельности. Богам каждого из племен, чрез земли которых лежал победный путь македонцев, были принесены жертвы и поклонение. Одним словом, он вызвал к жизни почти утраченные надежды давно уже отвыкших от независимости народностей. В особенности

¹³⁵ Эфиальт (Ἐφιάλτης) – древнегреческий военный и политический деятель, полководец, сторонник антимакедонской группировки в Афинах, в 335 г. до н. э. изгнан из Греции Александром Македонским, руководитель отряда греческих наемников в Персии.

¹³⁶ Леосфен (Λεωσθένης) († 323 до н. э.) – древнегреческий военный и политический деятель, сторонник антимакедонской группировки в Афинах, командующий войсками во время Ламийской войны.

¹³⁷ Ламийская война – война греческих городов-государств (Афины, Фокида, Этолия и др.) против Македонии в 323–322 гг. до н. э., завершившаяся поражением антимакедонской коалиции.

¹³⁸ Граник – река в северо-западной части Малой Азии, берущая начало в горах Иды и впадающая в Мраморное море (в наши дни: р. Чанчай (Коджа-Су, Бига) в Турции). В 334 г. до н. э. возле р. Граник армия Александра Великого впервые разгромила персидскую армию и овладела Малой Азией.

¹³⁹ Галикарнасс – Галикарнас (Бодрум) – город, расположенный на юго-западе Малой Азии, на средиземноморском побережье. Основан дорийцами около 1200 г. до н. э. В IV в. до н. э. город стал столицей Карики, области, заселенной племенем карийцев. С VI по IV в. до н. э. Галикарнас входил в состав персидской державы. В 334 г. до н. э. армия Александра Македонского захватила и разрушила город. В настоящее время Бодрум входит в состав провинции Мугла Турецкой Республики.

¹⁴⁰ Троя (Илион) – город на северо-западе Малой Азии, расположенный у побережья Эгейского моря. В ходе Троянской войны город был захвачен ахейцами (ок. 1260 до н. э.).

¹⁴¹ Ахилл (Ахиллес) и Патрокл – в греческой мифологии и в «Илиаде» Гомера: герои, участники Троянской войны.

¹⁴² События Троянской войны нашли свое отражение в эпических поэмах «Илиада» и «Одиссея» легендарного греческого поэта Гомера.

привлек он к себе много сердец тем уважением, какое везде оказывал местным религиозным верованиям, на которые не без презрения смотрели персы.

Битва при Иссе¹⁴³ была еще решительнее Граникской. Персидский царь должен был бежать с поля сражения, оставляя юному победителю свои сокровища и свое семейство. К довершению несчастья персов, Мемнона уже не было в живых¹⁴⁴. Но Александр оставался верен своему плану и не соблазнился возможностью овладеть столицами Дария. Он пошел вдоль берегов Сирии и продолжал отбирать города. Один только Тир¹⁴⁵ оказал ему сопротивление; семь месяцев длилась осада, в которой истощены были все средства военной науки древних. С падением Тира кончилась опасность, грозившая Александру: персидского флота не стало. Финикияне отозвали свой участок; остальные персидские суда не имели более значения. Таким образом, на суше Александр уничтожил персидский флот и план Мемнона.

Завоевание Египта не представило Александру почти никаких трудностей. Здесь еще живо и памятно было кровавое нашествие Артаксеркса-Оха¹⁴⁶; свежа и глубока была ненависть к персам. Александр не оскорбил народных святынь и обычаев Египта. Он поклонился Апису¹⁴⁷, почтительно беседовал с жрецами и поставил начальниками отдельных областей номархов¹⁴⁸, взятых из египтян; только военное и финансовое управление края вверил он грекам и македонцам. На запад от Нильской дельты угадал он всемирно-историческое место, на котором воздвигнул Александрию¹⁴⁹. Если бы он не совершил ничего другого, то одного этого дела было бы довольно для того, чтобы упрочить за ним название великого, потому что Александрии суждено было в продолжении многих веков быть складочным местом не только всемирной торговли, но всемирной образованности. Сюда сошлись для долгой, вековой беседы идеи Запада и Востока.

Поход Александра в Ливийский оазис¹⁵⁰, где находилось знаменитое прорицалище Аммона-Ра¹⁵¹, подал повод ко многим толкам и недоразумениям, как в древности, так и в Новое время. С какою целью ходил македонский завоеватель чрез знойные степи, некогда засыпавшие песками своими войска Камбизовы?¹⁵² Неужели ученик Аристотеля мог дорожить суетным названием сына Аммонова, которое дали ему жрецы таинственного боже-

¹⁴³ *Исса* – город в Киликии (Малая Азия), располагавшийся на побережье Иссского (Александреттского) залива. Осенью 333 г. до н. э. в битве при Иссе македонская армия разбила превосходящую ее по численности персидскую армию Дария III Кодомана.

¹⁴⁴ Мемнон Родосский умер в 333 г. до н. э. во время осады Митилены македонскими войсками.

¹⁴⁵ *Тир* (Сур) – город, расположенный на восточном побережье Средиземного моря. Основан финикийцами в IV тыс. до н. э. С VI по IV в. до н. э. Тир находился в подчинении у персидских царей. После семимесячной осады в 332 г. до н. э. город был захвачен македонскими войсками. В настоящее время г. Сур входит в состав мухафазы (провинции) Южный Ливан Ливанской Республики.

¹⁴⁶ *Артаксеркс-Ох* – *Артаксеркс III Ох* (ок. 390–338 до н. э.) – персидский царь из династии Ахеменидов (358–338 до н. э.). В 343–342 гг. до н. э. Артаксеркс III с помощью огромной армии, отрядов греческих наемников и при поддержке флота разгромил войска фараона и присоединил к персидскому государству Египет.

¹⁴⁷ *Апис* – в Древнем Египте: священный бык черной масти с белым пятном на лбу, почитавшийся как воплощение бога Пта (Птаха), «создателя всего сущего», покровителя искусств и ремесел.

¹⁴⁸ *Номарх* – в Древнем Египте: наделенное административными и судебными полномочиями должностное лицо, управляющее областью (номом).

¹⁴⁹ *Александрия* (Аль-Искандария) – город, располагающийся в Египте в западной части дельты р. Нил, недалеко от побережья Средиземного моря. Город был основан в 332–331 гг. до н. э. Александром Македонским. В настоящее время город является административным центром мухафазы (провинции) Александрия Арабской Республики Египет.

¹⁵⁰ *Ливийский оазис* – речь идет об оазисах Сива на севере Ливийской пустыни в Египте. Поход в Ливийскую пустыню Александр Македонский предпринял в 331 г. до н. э.

¹⁵¹ *Амон-Ра* (Аммон-Ра) – в египетской мифологии: бог Солнца, верховный бог египетского пантеона.

¹⁵² *Камбиз II* (Камбис) († 522 до н. э.) – царь Вавилона (538–537 до н. э.), персидский царь из династии Ахеменидов (530–522 до н. э.), фараон Египта (525 до н. э.). Завоевав Египет, в 524 г. до н. э. Камбиз II отправил персидскую армию завоевывать оазис Амона, располагавшийся на западе Ливийской пустыни. Однако поход завершился неудачей: персидские отряды погибли в пустыне во время песчаной бури.

ства пустыни? Или ему нужно было новое средство действовать на суеверие толпы? Сеем думать, что в этом случае участвовали оба побуждения. О рождении Александра уже ходили странные слухи между его соотечественниками. Мать его Олимпия слыла волшебницей. Македонцы говорили, что она родила Александра от Зевса, а не от Филиппа, который поэтому не любил ни жену, ни сына. Свидетельство Аммонова оракула сообщило новое значение этим толкам. Сам Александр, впрочем, не был чужд суеверия. Известно, с какою радостью принял он слово Пифии¹⁵³, назвавшей его неодолимым. Он посетил нарочно Гордиум¹⁵⁴, дабы рассечь там узел, с которым было связано предание о владычестве над Азией. Он желал наперед оправдать народные предчувствия, хотел, чтобы на него смотрели как на совершителя того, что уже давно было предсказано богами. Политический расчет и глубокое понимание Востока совпадали здесь с собственным поэтически-религиозным настроением духа. Принося жертвы и поклонение разнообразным божествам тех стран, в которые проникло его оружие, Александр удовлетворял двоякой потребности. С одной стороны, побежденные им народы забывали его иноплеменное происхождение и смотрели на него, как на единоверца. С другой, таинственные мифы восточных религий влекли к себе ум, стоявший высоко над сухим скептицизмом, который тогда господствовал в Греции.

По ту сторону Тигра, недалеко от Арбел¹⁵⁵, дал Александр последнюю битву Дарию¹⁵⁶. У Дария было, по крайней мере, вдесятеро более войск, чем у его противника. Греческие наемники и самые воинственные племена персидского государства были еще раз призваны вместе к защите Кировой монархии. Смелый и опытный Парменион¹⁵⁷ оробел при виде многочисленных врагов. Он советовал Александру начать битву ночью и получил в ответ, что победы скрывать не должно. Завистники и враги Александра говорили, что он обязан большею частью своей славы полководцам, которых образовал для него Филипп. Александр мог по праву сказать об Арбельской, самой трудной из одержанных им дотоле побед, что он выиграл ее сам. Дело было потеряно, когда личное мужество и распорядительность молодого царя восстановили сражение и обратили его в пользу македонцев. Успех был тем значительнее, что персы бились с большею храбростью, чем когда-либо. Их конница ворвалась в ряды македонской пехоты; фаланга¹⁵⁸ была расстроена; левое крыло под начальством Пармениона почти разбито. Смелый напор правого крыла, предводимого самим царем, изменил ход дела и был причиною совершенного поражения персов. На этот раз зависть должна была умолкнуть и признать в Александре достойного вождя победителей. Война казалась почти конченною. Лучшие земли Дария находились во власти его врагов; за ним оставались только бедные, но населенные воинственными племенами, области Северо-Восточной Персии. Утомленные македонцы и греки требовали раздела богатой и готовой добычи. Но в уме

¹⁵³ Пифия – в Древней Греции: жрица-прорицательница храма Аполлона в Дельфах.

¹⁵⁴ Гордиум (Гордион) – город, располагавшийся в северо-западной части Малой Азии, на берегу р. Сангария (в настоящее время: Сакарья в Турции), с X по VIII в. до н. э. столица Фригийского царства. Согласно преданию, город был основан Гордием, первым (легендарным) царем фригийского государства. Он установил в городском храме Зевса телегу, связав ярмо и дышло сложным узлом. По предсказанию оракула, человек, сумевший распутать узел, будет владеть всем миром. В 334 г. до н. э. во время пребывания в Гордионе Александр Македонский разрубил мечом гордиев узел.

¹⁵⁵ Арбела (Эрбиль) – город, расположенный между течениями двух рек Большой и Малый Заб, в предгорьях Загроса (Ассирия). Город был основан около IV тыс. до н. э. 2 октября 331 г. до н. э. возле селения Гавгамелы (в настоящее время: Тель-Гомель), располагавшегося к северо-западу от Арбелы, армия Александра Македонского полностью разгромила персидское войско царя Дария III. В настоящее время Эрбиль является столицей Иракского Курдистана.

¹⁵⁶ Дарий III Кодоман (ок. 381–330 до н. э.) – сатрап Армении, персидский царь из династии Ахеменидов (336–330 до н. э.).

¹⁵⁷ Парменион (Παρμενίων) (ок. 400–330 до н. э.) – македонский военный и политический деятель, полководец в годы правления Филиппа II и Александра Македонского, участник заговора против Александра Великого (330 до н. э.).

¹⁵⁸ Фаланга – линейное построение греческой или македонской пехоты и кавалерии для боя. Первоначально она состояла из 8 – 25 тесно сомкнутых рядов воинов. Филипп II Македонский усовершенствовал фалангу, включив в ее состав кавалерию.

Александра зрели другие намерения. Он призвал к себе знатных персов и объявил, что в его царстве не может быть различия между победителями и побежденными, что и те, и другие должны слиться в одну народность, под сень одной высшей цивилизации. Идея была бесконечно велика: но могли ли современники возвыситься до нее? Не говорю уже о македонских офицерах, которые громко роптали на того, кто, по их мнению, отнимал у них купленную их кровью добычу, и смотрели на персов как на рабов. Из самой Греции раздалась обвинительные, исполненные упреков голоса. Даже Аристотель счел нужным предостеречь своего ученика и написал к нему письмо, в котором доказывал невозможность равенства между греками и варварами. Эту мысль, но еще яснее, высказал стагирский философ¹⁵⁹ в знаменитом творении своем о политике¹⁶⁰. Он говорит, что сама природа провела резкую черту между народами, «предназначив одних к господству, а других к вечному рабству». Лучше нельзя было выразить отношение эллина к иноплеменнику, с точки зрения первого; Александр понимал эти отношения иначе и выше. Для него, уже переступившего чрез рубеж заветных греческих воззрений, различие между эллином и варваром не имело другого значения, кроме высшей и низшей образованности. Он хотел уделить своим новым подданным часть тех духовных благ, которые до него были исключительным достоянием одного народа. Разумеется, что такой образ действий должен был доставить ему любовь и признательность покоренных племен, но он не мог не вызвать сильного неудовольствия со стороны македонцев и греков, обиженных непонятным для них уравнением политических прав.

Чем далее шел Александр этим путем, с которого он не сходил уже во все продолжение своей жизни, тем сильнее подымалось против него негодование его воинов. Оно не замедлило, как увидим, выразиться в преступных замыслах на жизнь молодого царя. Недовольные его мерами люди ставили ему в вину уважение, какое он оказывал чужим богам, и называли жертвы, принесенные им в Мемфисе¹⁶¹ и Вавилоне¹⁶², отступничеством от чистого эллинизма. Зато в персидских преданиях об нем сохранилось следующее выражение: «Он чтит богов всех народов, но сам, казалось, поклонялся единому, высшему божеству». В самом деле, душа его жадно стремилась к религиозной истине и упорно искала ее под загадочными символами, в которые восточная фантазия облакает самые возвышенные чаянья свои. Но мог ли образованный грек того времени оценить такую потребность духа и не назвать ее суеверием или притворством?

Краткость отмеренного мне времени не позволяет мне, к сожалению, войти в некоторые подробности о походах Александра в северо-восточных областях Дариева государства. Нигде не обнаружился в такой степени предприимчивый гений македонского завоевателя. Ему предстояла двоякая борьба с воинственными жителями и с негостеприимною природою тех стран. Без предварительного знания местностей, без карт, без надежных проводников покорил Александр земли, составляющие нынешний Туркестан, и не остановился перед ущельями Индийского Кавказа¹⁶³. Но ему недостаточно было побед и внешней покорности со стороны завоеванных с такими трудами народов. Он заставил их действительно прикнуть к своему новому государству и связал их с ним цепью названных большею частью по

¹⁵⁹ Аристотель родился в г. Стагир (Стагиры), располагавшемся на Халкидонском полуострове. По месту рождения его часто называли «стагирским философом» или Стагиритом.

¹⁶⁰ Речь идет о трактате Аристотеля «Политика». См.: *Аристотель. Собрание сочинений*: В 4 т. Т. 4 / Ред. тома и авторы вступ. статей А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди. М.: Мысль, 1984. (Философское наследие. Т. 90). С. 375–644.

¹⁶¹ *Мемфис* – город, располагавшийся на левом берегу р. Нил, на границе Верхнего и Нижнего Египта. Мемфис был основан в начале III тыс. до н. э. С XXVIII по XXIII в. до н. э. город был столицей государства.

¹⁶² *Вавилон* – город, располагавшийся на берегу Евфрата, в северной части Двуречья. Вавилон впервые упоминается в письменных источниках в III тыс. до н. э.; со II тыс. до н. э. – столица Вавилонии. В 331 г. до н. э. город был захвачен армией Александра Македонского.

¹⁶³ *Индийский Кавказ* – одно из названий, использовавшихся вплоть до XIX в., горного хребта Гиндукуш, располагающегося на северо-западе современного Афганистана и входящего в состав северных окраинных гор Иранского нагорья.

его имени колоний. На северном берегу Яксарта¹⁶⁴ возникла новая Александрия. Несколько городов выстроил он в других, с глубоким пониманием географических условий выбранных, местах и поселил там македонских и греческих ветеранов, которым даны были обширные земли и большие льготы. Эти заброшенные на далекий Восток колонии служили передовыми постами греческой цивилизации и проводили те идеи, которых главным сосудом был сам Александр.

Но в то самое время, когда он совершал вычисленные нами вкратце дела, на него со всех сторон сыпались обвинения в измене обычаям родины, в жестокости и изнеженности. Ответом на последний упрек могут служить его походы, в которых он нес все труды и все опасности наравне с простыми воинами. Но мы не вправе пройти молчанием слухов, распространившихся тогда о жестокости македонского царя. Александр принадлежит к числу тех личностей, которых все качества и недостатки по влиянию своему подлежат суду истории. В доказательство его жестокости обыкновенно приводят три случая, которые все относятся к эпохе окончательного покорения последних персидских областей, именно: смерть Филота¹⁶⁵ и Пармениона, убийство Клита¹⁶⁶ и участь философа Калисфена¹⁶⁷. Я постараюсь в немногих словах объяснить участие Александра в этих событиях, доселе лежащих темными пятнами на его славе.

Парменион оказал важные услуги Македонии еще при Филиппе. В войске, покорившем Персию, он, бесспорно, занимал первое после царя место. Сын его, Филот, был ровесник Александру и товарищ его детства. Оба они, отец и сын, принадлежали к числу генералов, недовольных участием, которое персы получили в управлении государством, и не скрывали своих мнений. Гордясь высоким положением и прежними заслугами, они стали во главе оппозиции и не только поддерживали ропот в войске, но приняли личное участие в составленном против царя заговоре. Вина их не подлежит никакому сомнению. Филот был казнен по приговору наряженного над ним суда. Парменион был убит посланными к нему гонцами, потому что огромные средства, которые были в руках старого полководца, делали невозможным открытое исполнение состоявшегося также и над ним приговора.

Смерть Клита показывает в самом ясном виде трудные отношения Александра к его генералам. Мы уже заметили выше, что они были большею частью воспитаны в школе Филиппа и летами старше Дариева победителя, на которого они смотрели как на неблагодарного ученика своего. Они ставили ему в укор всякое отступление от умной, но неприложимой к огромным размерам нового государства политики его отца. Гениальные замыслы Александра казались им несбыточными грезами самолюбивого юноши. Нам уже известно их мнение об его обращении с побежденными народами. К числу таких ограниченных, грубых, но храбрых и в сущности преданных царю начальников македонской армии принадлежал Клит. Особенные заслуги дали ему право громче, чем другим, обнаруживать свое мнение. Однажды на пиру, где по македонскому обычаю беспрестанно ходили кругом кубки с вином, Клит разгорячился до того, что вышел из пределов приличия. Он осыпал бывшего тут же Александра насмешками, упрекал его в неблагодарности к верным слугам и в пристрастии к восточным льстивым царедворцам, доказывая ему притом, что он несравненно ниже

¹⁶⁴ *Яксарт* – старое название среднеазиатской р. Сырьдарья, образующейся в восточной части Ферганской долины и впадающей в Аральское море.

¹⁶⁵ *Филот* (Φιλότας) († 330 до н. э.) – македонский военный деятель, старший сын Пармениона, командующий отрядом гетайров (тяжеловооруженных всадников), охранявшим царя, участник заговора против Александра Македонского (330 до н. э.).

¹⁶⁶ *Клит* (Κλείτος) *Черный* (ок. 380–328 до н. э.) – македонский военный деятель, командующий эскадрона гетайров (тяжеловооруженных всадников), командующий македонской конницей (330 до н. э.), друг Александра Великого.

¹⁶⁷ *Калисфен* – *Каллисфен* (Καλλισθένης) *Олинфский* (ок. 360–328 до н. э.) – древнегреческий историк, родственник Аристотеля, участник Индийского похода, во время которого был обвинен в заговоре против Александра Македонского.

отца своего, Филиппа. Терпение Александра истощилось, он вскочил и потребовал оружия. Друзья вывели вон пьяного Клита. Но он успел уйти от них, возвратился назад и пропел Александру, сложенную на него в Греции, оскорбительную песню. Тогда царь вырвал у стоявшего на часах воина копье и бросил им в Клита. Вслед за поступком наступило горькое раскаянье. Александр в продолжение трех дней и трех ночей не отходил от трупа, плакал и не хотел принимать пищи. Его едва удержали от само убийства. Ни в каком случае здесь нельзя найти холодной и обдуманной жестокости. Это было не что иное, как взрыв страстной и нетерпеливой природы.

Печальная участь Калисфена также не может служить поводом к обвинению на Александра. Этот философ, родственник Аристотеля, по просьбе которого Александр взял его с собою в персидский поход, был представителем худших направлений тогдашней греческой науки. Он был ритор и софист, заменявший отсутствием нравственных убеждений и недостаток основательного знания звонкими фразами о добродетели и диалектической ловкостью. При дворе Александра он сначала отличался наглым ласкательством, которое, наконец, надоело царю. Обиженный философ пристал тогда к партии недовольных и своими речами сильно действовал на юношей из знатных македонских фамилий, которые служили в царской гвардии. Некоторые из них составляли заговор с целью убить Александра. Преступный умысел был открыт, и нравственное участие Калисфена обличено, хотя и не было доказано, что он лично принадлежал к числу заговорщиков. Калисфен, по самым достоверным из дошедших до нас сведений, умер в заключении, во время Индейского похода. Александр, по-видимому, хотел предать его суду по возвращении в Европу в присутствии Аристотеля, который, впрочем, едва ли оправдывал тщеславного и ничтожного родственника своего, преображенного впоследствии в мученика истины. Я счел нужным сказать несколько слов в оправдание Александра против его порицателей, хотя, с другой стороны, нельзя не допустить, что на той почти недостижимой высоте могущества и славы, на какой он стоял, ему трудно было сохранить прежнюю чистоту нрава и не отвечать строгими мерами тупой и бессмысленной оппозиции, которая противилась его лучшим начинаниям и клеветала на самые благородные его намерения. Мог ли он, например, не уронив своего достоинства пред новыми подданными, избавить македонцев от соблюдения тех придворных обрядов, которые должен был ввести, дабы не стать ниже прежних персидских царей во мнении подвластных ему и дороживших внешними знаками величия народов Востока? А между тем, это нововведение сделалось предметом самых едких насмешек и желчных нареканий, как в войске его, так и в целой Греции. Понятно, что страсти его должны иногда были брать верх над природным великодушием и над презрением, какое внушало ему слабоумие противников. Но чтобы оценить вполне его превосходство над окружавшим его миром, стоит только вспомнить о советах, какие давал ему соперник Калисфена, софист Анаксарх¹⁶⁸.

Последним великим предприятием Александра был его поход в Индию¹⁶⁹. С неслыханными трудами и опасностями провел он свои войска чрез горы Паропамизуса¹⁷⁰ и чрез Пенджаб¹⁷¹, страну, которой жители искони славились воинственным характером, в наше время

¹⁶⁸ Анаксарх (#νᾱξαρῆς) Абдерский (ок. 360–320 до н. э.) – древнегреческий философ, последователь Демокрита, участник Индийского похода Александра Македонского, противник кипрского тирана Никокреонта, который, согласно преданию, приказал истолочь философа в ступе. О взаимоотношениях Анаксарха Абдерского с Александром Македонским см.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Вступ статья А. Ф. Лосева; пер. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1979. (Философское наследие). С. 377–378.

¹⁶⁹ Поход в Индию был начат в 326 г. до н. э. и завершился в 325 г. до н. э.

¹⁷⁰ Паропамизус – Паропамиз (Парапаниз) – одно из названий горного хребта Гиндукуш.

¹⁷¹ С конца VI в. до н. э. часть территории Пенджаба входила в состав персидского государства. В 327–325 гг. до н. э. часть территории Пенджаба была завоевана Александром Македонским.

стоившим столько крови и усилий англичанам¹⁷². Он поставил над этими племенами своих наместников и основал несколько городов с греческим населением. Македонцы совершили все, что можно было сделать в пределах сил человеческих. У них не осталось ни лошадей, ни одежды, ни обуви; даже мечи их притупились от ежедневных сеч. Один Александр не разделял общей усталости и уныния, всеми овладевшего. Пред ним открывалась уже великолепная долина Гангеса, представляющая легкую добычу завоевателю. Но войска Александра пришли в отчаянье, они не могли поспеть за смелой мыслью вождя и отказались идти далее, тем более что между ними ходили ложные слухи о новых опасностях и битвах, которые их ожидали у самой цели похода. На берегу Гифазиса¹⁷³ объявили они свое решение царю, которого все усилия склонить их к привычной покорности были тщетны. С горьким чувством уступил он их воле, поставил двенадцать колоссальных жертвенников на том месте, где должен был остановить победное шествие свое, и возвратился назад. Обратный путь его лежал через другие, дотоле почти неизвестные путешественникам страны. Часть его армии пошла через нынешние Кандагар¹⁷⁴ и Систан¹⁷⁵, другая отправилась на судах, нарочно для этого выстроенных и вверенных ученому Неарху¹⁷⁶, который получил приказание спуститься вниз по Инду до его устьев и потом продолжать плаванье до Евфрата¹⁷⁷. Цель экспедиции заключалась в исследовании и описании берегов. Сам Александр во главе третьего отряда избрал путь через страшные пустыни Белуджистана¹⁷⁸. Шестьдесят дней продолжался этот переход, и две трети Александровых спутников погибли в песках непроходимой пустыни. Трудно понять, как могли спастись остальные.

А между тем весть о смерти Александра разнеслась повсюду. Оставленные им в завоеванных областях правители не думали о его возврате и позволяли себе злоупотребления всякого рода. Македонцы и греки грабили и притесняли туземцев; персидские сановники замыслили свергнуть с себя владычество иноплеменников. В доказательство тогдашнего беспорядка я приведу поступок хранителя царской казны Гарпала¹⁷⁹. Расточив на оргии, в которых соединялась греческая изобретательность с восточным великолепием, баснословные суммы вверенных ему денег и услышав о приближении царя, он бежал в Афины, увозя с собою около девяти миллионов руб. серб. на наши деньги, которые, приняв в основание тогдашнюю ценность благородных металлов, соответствуют нынешним 50 миллионам. Прикрытием Гарпалу служили шесть тысяч нанятых им греков. Возврат Александра

¹⁷² Подразумеваются англо-сикхские войны (1845–1846, 1848–1849), в ходе которых Пенджаб был присоединен к Британской Индии.

¹⁷³ *Гифазис* – в древности название р. Виазы (Беджи) – одного из притоков Инда – до которой дошла армия Александра Великого.

¹⁷⁴ *Кандагар* – город, располагающийся возле подножия горного массива Западный Гиндукуш на юге Афганистана. Согласно традиции, он был основан Александром Великим. В настоящее время город является административным центром провинции Кандагар Республики Афганистан.

¹⁷⁵ *Систан* (Сейстан, Дрангиана) – историческая область в Азии, располагающаяся в средней части Иранского нагорья (в настоящее время территория Ирана и Афганистана).

¹⁷⁶ *Неарх* († ок. 312 до н. э.) – военный и политический деятель, правитель Ликии и Памфилии (334 до н. э.), участник похода Александра Македонского в Западную Индию (327–325 до н. э.), командующий флотом во время возвращения из Индийского похода.

¹⁷⁷ *Евфрат* – река, протекающая по территории современных Турции, Сирии и Ирака; самая большая река в Западной Азии. Евфрат берет начало в горах Армянского нагорья, пересекает плато Сирии и Месопотамскую низменность, сливается в Ираке с р. Тигр и впадает в Персидский залив.

¹⁷⁸ *Белуджистан* – историческая область, располагающаяся на северо-востоке Иранского нагорья. В настоящее время Белуджистан разделен на две части: восточную (в составе Пакистана) и западную (в составе Ирана).

¹⁷⁹ *Гарпал* (Ἀρπάλος) († 323 до н. э.) – македонский политический деятель, друг Александра Великого, казначей во время похода против Персии, сатрап Вавилона (331 до н. э.). Растратив в Вавилоне часть казны и присвоив 5000 талантов, Гарпал бежал под охраной шеститысячного отряда наемников в Атику и купил себе афинское гражданство. Однако в скором времени, опасаясь быть выданным Александру Великому, он перебрался на Крит, где был убит спартанцем Фиброном, главой отряда наемников.

был ознаменован не одними наказаниями виновных сановников, но более крепкой организацией нового государства. Семена, прежде брошенные завоевателем, начали приносить плод. 30 000 молодых персов, обученных по его приказанию греческому языку и военному порядку, вступили под оружие и образовали свежее, безгранично ему преданное войско. Из утомленных совершенными походами македонцев некоторые возвратились на родину, другие вступили по желанию царя в супружество с дочерьми богатых персов и положили начало слиянию обеих национальностей. Народы, по словам древнего писателя, забыли прежние вражды и жадными устами прильнули к поданному им кубку любви. Приготовления к дальнейшим предприятиям шли своим чередом. На Евфрате снаряжался огромный флот, которого назначение было покорить Аравийский полуостров, на южном берегу которого Александр уже собирался строить город. Другая экспедиция должна была обогнуть Африку и воротиться назад с запада, чрез Иракловы Столбы¹⁸⁰, тем же путем, каким некогда ходили отважные финикийцы по поручению египетского Нехао¹⁸¹. На Каспии строились суда, которым назначено было исследовать северные берега этого почти неведомого грекам моря. Ученая любознательность соединялась в этих случаях с торговыми расчетами и планами новых завоеваний. Александр лично намерен был вести сухопутное войско вдоль северного берега Африки на покорение Карфагена¹⁸² и народов Юго-Западной Европы. Со всех сторон приходили к нему посольства, свидетельствовавшие о славе его, дошедшей до самых далеких, равнодушных к событиям греческой истории племен. Карфагенец, скиф, кельт и представители разных народов Италии сошлись в Вавилоне как бы для того, чтобы наперед взглянуть на будущего властителя. Никогда еще не было такого живого, деятельного сообщения между рассеянными по земле членами человеческой семьи. Но дни Александра уже шли к концу. Он проводил в могилу лучшего из друзей своих Эфестиона¹⁸³, одного из немногих, которые вполне его понимали. Глубокая скорбь этой утраты соединилась с тяжелыми трудами и вероятно была причиною болезни, от которой умер Александр. Ему еще не было 33 лет от рождения. Он знал, какая участь готовится его государству, и предсказал себе кровавую тризну.

Пробегая мыслью века, лежащие за нами, мы не найдем лица, которого историческая деятельность по объему и влиянию могла бы сравниться с Александровой. Он стоит посредником и примирителем между Западом и Востоком. Он открыл целым народам пути, по которым до него ходили только немногие смелые путешественники. В этом отношении у него нет другого соперника, кроме Колумба¹⁸⁴. Греки знали хорошо западные части Азии: о северо-восточных областях Персидского государства, о краях пограничных Индии у них были в ходу самые нелепые басни. Александр внес эти огромные пространства в область положительной географии и открыл испытующему уму Запада новую природу, несходную с его развитием историю и целый мир самобытных религиозных идей и нравственных представлений. Торговля и наука овладели землями, дотоле лежавшими вне общения человеческого. В свою очередь Восток глубоко принял в себя влияние Дариева победителя. Окамене-

¹⁸⁰ *Иракловы Столбы* – *Геркулесовы столпы* – в греческой и римской мифологии: две скалы у Гибралтарского пролива, на европейском и африканском берегах, воздвигнутые Геркулесом (Гераклом) на краю мира.

¹⁸¹ *Нехао* – *Нехо II* († 595 до н. э.) – египетский фараон, правивший с 609 по 595 г. до н. э. По приказу Нехо II финикийские мореплаватели обогнули Африку (ок. 600 до н. э.).

¹⁸² *Карфаген* – финикийский город-государство, располагавшийся в Северной Африке. Основанный колонистами из г. Тир в 825 г. до н. э., Карфаген в VII–III вв. до н. э. подчинил своему влиянию Северную Африку, Южную Испанию, Сицилию, Корсику и некоторые другие острова Средиземного моря.

¹⁸³ *Эфестион* – *Гэфестион* (Ἠφαιστίων) (356–324 до н. э.) – македонский военный деятель, друг Александра Великого, участник походов в Персию и Индию, командующий кавалерией (330 до н. э.).

¹⁸⁴ *Колумб* (Colombo) *Христофор* (1451–1506) – генуэзский мореплаватель, путешественник, адмирал Испании, организатор и глава четырех экспедиций в Америку (1492–1493, 1493–1496, 1498–1500, 1502–1504), проведенных при поддержке Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского. В XIX в. считалось, что, высадившись 12 октября 1492 г. на берегу о. Сан-Сальвадор в Багамском архипелаге, Колумб открыл Америку.

лые формы его жизни пришли в движение; лежавшие праздно в глубине народного сознания и неясные самим себе идеи, составлявшие отстой прежнего, остановившегося развития, поднялись наружу от прикосновения европейской мысли и сообщили этой мысли небывалое богатство и полноту. Без Александрии не было бы настоящей образованности.

Всматриваясь пристальнее в лицо Александра, нельзя не заметить, что природа соединила в нем самые противоположные между собою свойства: математическую точность ума и пламенное воображение поэта; крепкую волю мужа с юношескою мягкостью и впечатлительностью. Накануне битвы он хладнокровно вычислял все условия кровавой игры, но в решительный час он становился горячим бойцом и кидался в сечу, как любимцы его, гомерические герои. Мистические верования Азии и строгая наука Европы находили в нем равное сочувствие. Здесь не место вычислять все сделанное им для успехов нашего знания. Достаточно будет напомнить Вам о его постоянной связи с Аристотелем, которому он присылал всякого рода пособия для его исследований. В самую трудную пору его жизни, во время Индейского похода, мысль его не была исключительно занята предстоявшими опасностями. Он писал в Вавилон, чтобы ему выслали оттуда книг для чтения, в особенности трагиков и философов.

Восток не забыл о нем до сих пор¹⁸⁵. Почти на всех языках Азии сохранились сказания об Александре. Об нем поют древние песни арабов и рассказывают предания еврейского народа. Персы внесли его в число героев своего народного эпоса. Персидский поэт¹⁸⁶ говорит, что Искандер был родом перс и только случайно родился на европейской почве. Восток не хочет уступать нам своего завоевателя. Странствуя по пустыням Средней Азии, европейский путешественник беспрестанно слышит странные намеки на Искандера. В Туркестане его считают строителем великих городов и зданий, которых развалины свидетельствуют о прежнем богатстве края. Даже в унылой песне кочевого монгола слышится иногда отголосок зашедших в эти степи рассказов о великом Искандере. Запад не отстал от Востока. В памятниках средневековой литературы исторические свидетельства о македонском завоевателе соединены с баснословными примесями, по которым видно, что эти предания прошли чрез уста народа. Ему приписывается, между прочим, покорение Британии. Рыцарская эпопея овладела в свою очередь предметом столь богатым и можно сказать сродственным ей по содержанию. В многостороннем характере Александра есть действительно черты чистого, чуждого античному миру рыцарства. Я напомню Вам только об обращении его с пленным семейством Дария. Древний человек не уступал новому в великодушии, но почтительное обращение с женщинами не входило в его нравы. У всех племен латино-германской Европы есть романы об Александре Великом, составляющие особый цикл в эпической поэзии Сред-

¹⁸⁵ Об образе Александра Македонского в литературе Запада в античное время и в Средние века, а также в фольклорной традиции и литературе Востока подробнее см.: *Гаркави А. Я.* Талмудические сказания об Александре Македонском. [Б.м., б.г.]; *Веселовский А. Н.* Новые данные для истории романа об Александре. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1892; *Бертельс Е. Э.* Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948; Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века / Издание подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. М.; Л.: Наука, 1965. (Литературные памятники); *Костюхин Е. А.* Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М.: Наука, 1972; *Михайлов А. Д.* Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М.: Наука, 1976; *Бойназаров Ф. А.* Проблемы традиции и современности: Образ и личность Александра Македонского. М.: Наука, 1990; *Бойназаров Ф. А.* Образ Искандера Зулькарнайна (Александра Македонского). М.: Издательство Московского университета, 1991; Александр Великий в легендах и исследованиях Востока и Запада / Сост., предисл. Е. В. Косолобова. СПб.: Алетейя, 2000.

¹⁸⁶ Не ясно, о ком идет речь. Возможно, подразумевается *Фирдоуси Абулькасим* (ок. 940 – 1020), автор эпической поэмы «Шахнаме» (1010), или *Низами Гянджеви Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф* (ок. 1141–1209), автор эпической поэмы «Искандер-намэ» (ок. 1203). См.: *Низами Гянджеви.* Искандер-намэ: В 2 т. / Пер. К. Липскерова. Баку: Издательство Академии наук Азербайджанской ССР, 1953; *Фирдоуси.* Шахнаме: В 6 т. / Издание подгот. Ц. Б. Буну, А. Лахути, А. А. Стариков, А. Азер, В. Г. Луконин, В. Г. Берзнева. М.: Издательство Академии наук СССР / Наука, 1957–1989. (Литературные памятники). Об образе Александра Македонского в поэмах «Шахнаме» Фирдоуси и «Искандер-намэ» Низами см.: *Костюхин Е. А.* Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М.: Наука, 1972. С. 64–80.

них веков. Но подобно тем македонским дружинам, которые остановились от изнеможения на берегах Гифазиса и не пошли далее к неизвестной им, одному лишь вождю ведомой цели, фантазия поэтов не может следить за действительными подвигами героя и ищет им объяснения вне пределов, которыми ограничены человеческие замыслы. Персы говорят, что Александр завоевал мир, отыскивая таинственную страну, в которой бьет живым ключом вода бессмертия. В немецкой поэме Лампрехта¹⁸⁷ (XIII ст.) поэт-христианин толкует с другой точки зрения внутреннюю тревогу, которая отражалась в непрерывной и страстной деятельности Александра. Владычество над миром не было достаточно целью для его подвигов. Он хотел дойти до рая и внимать земным слухом пению ангелов.

Позвольте мне кончить эту затянувшуюся, может быть, слишком долго беседу. Я представил Вам только бледный очерк Александровой деятельности. При всем том меня, может быть, обвинят в пристрастии. Я сам готов в нем признаться; но прибавлю, что историку, внимательно изучающему памятники, которые содержат в себе подробности о жизни и делах македонского завоевателя, трудно устоять против собственного увлечения, трудно не поддаться обаянию этого властительного даже за гробом лица. Судьба была к нему благосклоннее, чем к кому-либо из других своих любимцев: она дала ему совершить всемирно-исторический подвиг и рано свела его с поприща, как будто для того, чтобы в памяти народов сохранился во всей юношеской прелести своей его поэтической образ.

¹⁸⁷ *Лампрехт Пон* (Lamprecht der Pfaffe) (XII) – немецкий поэт, родом из Средней Франконии, создатель «Песни об Александре» («Alexanderlied», ок. 1130), в основу которой положено сочинение французского писателя XI в. Альберика де Безансона / Альберика де Пизансона (Albéric de Besançon / Albéric de Pisançon).

Чтение третье. Лудовик IX

Мы привыкли разуметь под именем Средних веков тысячелетие, отделяющее падение Западной Римской империи от открытия Нового Света и начала Реформации¹⁸⁸. Но идеи и формы, составляющие характеристическую особенность Среднего века, принадлежат не всем отделам этого обширного периода. Феодализм, рыцарство, общины, борьба папской и императорской власти, готические соборы¹⁸⁹, поэзия трубадуров¹⁹⁰ и миннезенгеров¹⁹¹, одним словом, главные явления, в которых вполне сказалось внутреннее содержание средневековой истории, составляющие как бы цвет и плод ее, развились большею частью не ранее XI и отцвели к концу XIII столетия. Пять предшествующих веков можно назвать периодом образования, приготовления отличительных форм средневековой жизни; два последние века, XIV и XV, представляют нам эпоху разложения; они служили переходом к Новой истории.

Не трудно будет угадать общий характер того общества, о котором здесь идет речь, взглянув на него с его наружной стороны. Перенеситесь мыслью в любое из государств тогдашней Европы, бросьте на него хоть беглый взгляд, и Вы тотчас поймете, что война составляет главное занятие, почти исключительную заботу всего населения. Начнем с городов, этих средоточий деятельной жизни и промышленности для народов древнего и нового мира¹⁹². Средневековой город обнесен зубчатою стеною и окружен рвом. На колокольне или башне стоит недремлющий сторож, озирающий беспокойными глазами окрестность. Отдельные дома похожи на крепости. Через улицы, на ночь, протягиваются цепи. Это обилие предосторожностей обличает вечную опасность, постоянную возможность нападения. Враг грозит отовсюду. Когда его нет вне города, купившего деньгами или кровью минутный покой у соседних баронов, тогда он подымается внутри стен: цехи¹⁹³ воюют с патрициями¹⁹⁴, одна

¹⁸⁸ В настоящее время, как правило, термином «Средние века» определяют период всемирной истории от падения Западной Римской империи в конце V в. до Английской буржуазной революцией XVII в.

¹⁸⁹ О готической архитектуре см.: Лясковская О. А. Французская готика. М.: Искусство, 1973. (Из истории мирового искусства); Муратова К. М. Мастера французской готики XII–XIII вв. М.: Искусство, 1988; Ювалова Е. П. Сложение готики во Франции. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

¹⁹⁰ Трубадуры – на юге Франции (преимущественно в Провансе), а так же в Англии, Испании, Италии, на севере Франции в XI–XIII вв.: поэты-певцы, сочинявшие баллады, альбы, кансоны, сервенты, пасторели и тенсоны, в которых воспевали рыцарские подвиги, любовь к «прекрасной даме», оплакивали гибель близких людей, обличали пороки человека (скупость, жестокосердие и др.).

¹⁹¹ Миннезенгеры – Миннезингеры – в верхне- и средненемецких землях (Австрия, Бавария, Швабия) во второй половине XII–XIV вв.: поэты-певцы, сочинявшие любовную лирику, в которой воспевали любовь к Богу и любовь к женщине, рыцарские подвиги и крестовые походы. О поэзии трубадуров и миннезингеров подробнее см.: Обри П. Трубадуры и труверы / Пер. З. Потаповой. М.: Музгиз, 1932. (Проблемы музыкознания: Историческая библиотека); Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов / Вступ. статья Б. Пуришева. М.: Художественная литература, 1974. (Библиотека всемирной литературы. Серия I. Т. 23); Песни трубадуров / Пер., предисл. и примеч. А. Наймана. М.: Наука, 1979; Жизнеописание трубадуров. Жан де Нострдам. Жизнеописание древнейших и наиславнейших провансальских пиитов, во времена графов прованских процветших / Издание подгот. М. Б. Мейлах. М.: Наука, 1993. (Литературные памятники); Иванов К. А. Трубадуры, труверы и миннезингеры. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2001. (Vita memoriae); Брюнель-Лобришон Ж., Дюамель-Амадо К. Повседневная жизнь во времена трубадуров XII–XIII в. / Пер. с фр. и предисл. Е. В. Морозовой. М.: Молодая гвардия; Палимпсест, 2003. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

¹⁹² О жизни средневекового города см.: Иванов К. А. Средневековый город и его обитатели. СПб.: Типолиитография М. П. Фроловой, 1909; Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города X–XV вв. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960; Город в средневековой цивилизации Западной Европы: В 4 т. / Отв. ред. А. А. Сванидзе. М.: Наука, 1999–2000.

¹⁹³ Цехи – профессиональные организации ремесленников, сложившиеся в Средние века в городах Западной Европы.

¹⁹⁴ Патриции – в Средние века во Франции (Прованс, Бургундия): должностные лица, наделенные административной, военной и судебной властью; в Италии: сановники, ведавшие административными, военными, дипломатическими, судебными, финансовыми и церковными делами; в Германии: высшие слои городского населения (купцы, банкиры, чиновники магистратов и т. п.), имеющие право участвовать в управлении городом.

часть общины идет на другую. Переходя от городского к сельскому населению, мы встретим те же явления. Почти каждый холм, каждая крутая возвышенность увенчана крепким замком, при постройке которого, очевидно, не удобство жизни, не то, что мы теперь называем комфортом, а безопасность была главной целью. Воинственный характер общества резко отразился на этих зданиях, которые, вместе с железным доспехом, составляли необходимое условие феодального существования. К высоким башням господского замка робко жмутся бедные, ждущие от него защиты и покровительства хижины вилланов¹⁹⁵. Даже обитатели мира, монастыри, не всегда представляли надежное убежище своим жителям. Подобно городу и замку, монастырь был часто окружен укреплениями, свидетельствовавшими, что святое назначение места недостаточно защищало его против хищности окрестных владельцев или наемных дружин, которые в мирное время обращались в разбойничьи шайки. Внутреннее содержание соответствовало наружному виду. В средневековой Европе не было народов в настоящем смысле слова, а были враждебные между собою сословия, которых начало восходит к эпохе распада Западной Римской империи и занятия ее областей германскими племенами. Из пришельцев образовались почти исключительно высшие, из покоренного, или туземного населения – низшие классы новых государств. Насильственное основание этих государств провело резкую черту между их составными частями. Граждане французской общины принимали к сердцу дела немецких или итальянских городов, но у них не было почти никаких общих интересов с феодальной аристократией собственного края. В свою очередь барон редко унижал себя сознанием, что в городе живут его соотечественники. Он стоял неизмеримо выше их и едва ли с большим высокомерием смотрел на беззащитного и бесправного виллана. При таких особенностях быта у каждого сословия должно было развиться собственное воззрение на все жизненные отношения и высказаться в литературе. Рыцарские эпопеи проникнуты этим исключительным духом. Возьмите любой роман Каролингского или прочих циклов: Вы увидите, что в нем нет и не может быть места героям другого сословия, кроме феодального. То же самое можно сказать о рыцарской лирике¹⁹⁶. Она поет не простую, доступную каждому человеческому сердцу любовь, а условное чувство, развившееся среди искусственного быта, понятное только рыцарю, да еще может быть горожанам Южной Франции и Италии. Зато среди городского населения процветала своя, неприязненная феодализму литература. Здесь-то родилась сказка (*fabliau*¹⁹⁷), в которой язвительный и сухой ум горожанина осмеивал не одни только идеи и доблести, составлявшие как бы исключительную принадлежность рыцаря, но вообще все идеалы, все поэтические стороны Среднего века. В труверах¹⁹⁸ можно узнать праотцов Рабле¹⁹⁹ и Вольтера²⁰⁰. Была,

¹⁹⁵ *Вилланы* – феодально-зависимые крестьяне в западноевропейских странах (Англия, Германия, Италия, Франция) в Средние века.

¹⁹⁶ Речь идет о *жестах* (*chansons de geste*) – французских эпических поэмах конца XI–XIV вв., в которых рассказывалось о событиях прошлого и воспевались подвиги героев. Согласно сложившейся в XIII в. традиции, жесты разделяются на три цикла: о короле Франции (цикл о Карле Великом и его сподвижниках: «Песнь о Роланде», «Паломничество Карла Великого» и др.), цикл о Гильоме д'Оранже («Коронавание Людовика», «Взятие Оранжа», «Нимская телега» и др.), цикл «мятежных баронов» (цикл о Дооне де Майанс: «Жерар Руссильонский» и др.). См.: Песнь о Роланде. Коронавание Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро / Вступ. статья Н. Томашевского. М.: Художественная литература, 1976. (Библиотека всемирной литературы. Серия I. Т. 10). О рыцарском романе см.: Михайлов А. Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М.: Наука, 1976.

¹⁹⁷ *Fabliau* (*fableaux, fabliaux*) – побасенка, фаблио, фальбо (фр.): небольшая стихотворная комическая или сатирическая повесть во Франции в конце XII–XIV вв. См.: Михайлов А. Д. Старофранцузская городская повесть фаблио и вопросы специфики средневековой пародии и сатиры. М.: Наука, 1986.

¹⁹⁸ *Труверы* – на севере Франции (преимущественно в Пикардии) в конце XI – начале XIV вв.: поэты-певцы, создававшие лирические (романсы, пасторели, альбы и т. п.), эпические (поэмы) и повествовательные (романы, фаблио) произведения, в которых воспевали любовь к «прекрасной даме» и рыцарские подвиги.

¹⁹⁹ *Рабле* (*Rabelais*) *Франсуа* (ок. 1494–1553) – французский монах-францисканец, врач, писатель-гуманист, лектор медицинского факультета университета в г. Монпелье (1530), врач городской больницы в Лионе (1532), доктор медицины (1537), священник в Медоне (1551), автор сатирического романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». См.: *Рабле Ф.* Гаргантюа и

по-видимому, одна сфера, где усталый раздором и войною ум находил покой и примирение. Мы говорим о науке, выросшей под сенью западных монастырей и носящей название схоластики. Это имя, означающее собственно науку Средних веков, не пользуется большим почетом в наше время. Под ним привыкли разумеать пустые, лишённые живого содержания диалектические формы. Не такова была схоластика в эпоху своей юности, когда она выступила на поле умственных битв, столь же смелая и воинственная, как то общество, среди которого ей суждено было совершить свое развитие. Заслуга и достоинство схоластики заключается именно в ее молодой отваге. Бедная положительным знанием, она была исполнена веры в силы человеческого разума и думала, что истину можно взять с бою, как феодальный замок, что для смелой мысли нет ничего невозможного. Не было вопроса, пред которым она оробела бы, не было задачи, пред которой она сознала бы свое бессилие. Она, разумеется, не решила этих вопросов и задач, поставленных роковой гранью нашей любознательности, но воспитала в европейской науке благородную пытливость и крепкую логику, составляющие ее отличительные приметы и главное условие ее успехов. Вот права схоластики на вечную признательность новых поколений, хотя нам нечему более учиться в огромных фолиантах, которые содержат в себе труды средневековых мыслителей.

Из короткой характеристики, которую я имел честь Вам представить, Вы легко поймете, что раздраженная и взволнованная действительностью мысль не обретала покоя и в той области, где по-настоящему должны разрешаться все противоречия нашего существования, в ясном сознании их примиряющего закона. В науке шла та же борьба, что и в жизни. В конце XI столетия уже начался спор между реалистами и номиналистами²⁰¹, отозвавшийся вскоре в богословии и получивший впоследствии великое значение. В XIII веке, т. е. в эпоху, о которой мне предстоит сегодня беседовать с Вами, этот спор перешел на другую почву. Парижский университет²⁰², отстаивая логический элемент в средневековой науке, вел ожесточенную борьбу с мистическими стремлениями францисканцев²⁰³ и доминиканцев²⁰⁴. О направлении тогдашнего мистицизма можно судить по уцелевшим отрывкам из сочинений

Пантагрюэль: В 2 т. / Пер. с фр. Н. М. Любимова; стихи в пер. Ю. В. Корнеева. СПб.: Вита Нова, 2006.

²⁰⁰ *Вольтер* (Voltaire) (1694–1778) – французский поэт, прозаик, драматург, философ-просветитель, историк, публицист, настоящее имя и фамилия: *Франсуа Мари Аруэ* (Arouet), член Французской академии (1746).

²⁰¹ *Спор между реалистами и номиналистами* – дискуссия об универсалиях (общих понятиях) между сторонниками двух философских направлений: реализма и номинализма. Реалисты (Ансельм Кентерберийский, Гильом де Шампо, Фома Аквинский, Иоанн Скот Эриугена и др.) утверждали, что универсалии реально существуют и предшествуют существованию вещей. В противоположность им номиналисты (Пьер Абеляр, Жан Буридан, Уильям Оккам, Иоанн Росцелин и др.) полагали, что реально существуют только вещи, и отрицали существование общих понятий, которые, по их мнению, были созданы мышлением человека.

²⁰² *Парижский университет* (Сорбонна) – одно из старейших учебных заведений, первый светский университет в Европе. Парижский университет был образован в 1215 г. на основе церковных школ. В его состав вошли четыре факультета: искусств, богословия, медицины и канонического права. В 1257 г. в Латинском квартале города теологом *Робером де Сорбоном* (Robert de Sorbon; 1201–1274) был основан богословский коллеж, который в скором времени стал центром Парижского университета. Финансировал коллеж Людовик IX Святой. Позднее богословский коллеж получил название Сорбонна – по имени своего основателя. Окончательное слияние Парижского университета и Сорбонны произошло в XVII в.

²⁰³ *Францисканский орден, Орден братьев миноритов* (Ordo franciscani, Ordo Fratrum Minorum) – католический «нищенский» монашеский орден, основанный близ Сполето в 1208 г. итальянским проповедником *Франциском Ассизским* (Franciscus Assisiensis), в миру *Джованни Бернардоне* (Giovanni Bernardone; 1181/1182 – 1226). Устав Францисканского ордена был одобрен в 1209 г. папой Иннокентием III и в 1223 г. утвержден папой Гонорием III. С 1256 г. францисканцы получили право преподавания в университетах. В XIII–XIV вв. Орден братьев миноритов утвердился в Англии, Германии, Италии и Франции. О монашеских орденах см.: Карсавин Л. П. Монашество в Средние века / Вступ. статья и коммент. М. А. Бойцова. М.: Высшая школа, 1992; *Демурже А.* Рыцари Христа. Военно-монашеские ордена в Средние века / Пер. с фр. М. Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 2008. (Историческая библиотека).

²⁰⁴ *Доминиканский орден, Орден братьев проповедников* (Ordo dominicani, Ordo fratrum praedicatorum) – католический «нищенский» монашеский орден, основанный в Тулузе в 1215 г. испанским монахом *Домиником де Гусманом Гарсесом* (Dominic de Guzmán Garcés; 1170–1221), в 1216 г. утвержден папой Гонорием III. Получив право проповеди в 1227 г., Доминиканский орден утвердился во Франции, Испании и Италии.

генерала Францисканского ордена Иоанна Пармского²⁰⁵. Он произносит безусловный приговор над светским государством, над семейством, над собственностью, над внешнею деятельностью, и призывает всех к жизни исключительно созерцательной, дабы скорее свершились земные судьбы человека. Папа должен был положить конец этим прениям, тем более опасным, что они находили сочувствие вне школы, в народных массах, жадно принимавших всякое новое учение, толкуя его сообразно своим понятиям. В начале XIII столетия подавлена была ересь альбигенская²⁰⁶. Та же участь постигла немецких штединггов²⁰⁷ и разнообразные, но равно враждебные западной церкви секты, возникшие во Фландрии²⁰⁸ и в Италии. Папство одолело, опираясь на светские власти; но побежденные ереси продолжали существовать втайне, не отказывались от своих надежд и ждали только удобного случая, дабы восстать с свежою силою. Неужели этому хаотическому, но исполненному бесконечной энергии миру суждено было истощить свои силы в безвыходных борьбах и неразрешимых вопросах? Отдельный человек и целое общество равно нуждаются в порядке и законе; для них равно невыносимо безначалие в области несвязанных никаким единством явлений. Такое единство пытались дать средневековому миру вожди его: император и папа. Поставленные развитием истории и глубоким сознанием нравственных потребностей своего времени во главе общественного мнения Западной Европы, наместники Св. Петра²⁰⁹ стремились к одной цели с преемниками Карла Великого²¹⁰. Но каждая из этих властей требовала себе первенства и главной роли в задуманном деле. К прежним раздорам присоединился новый, которого при-

²⁰⁵ *Иоанн Пармский* (Giovanni da Parma) (ок. 1209–1289) – итальянский религиозный деятель, в миру *Джованни Буралли* (Burralli), богослов, монах-францисканец, генерал Францисканского ордена (1247–1257).

²⁰⁶ *Ересь альбигенская* — *Альбигойцы* – участники еретического движения: как горожане, так и крестьяне на юге Франции (область Лангедок) в XII–XIII вв. – катары и вальденсы. Они противопоставляли «духовный» – истинный мир миру «земному» – ложному, считали католическую церковь порождением сатаны, отвергали ее догматы и таинства, не признавали святых, отвергали брак и допускали самоубийство. Движение, распространившееся на юге Франции, было названо альбигойским по одному из еретических центров – г. Альби. В 1215 г. альбигойцы были осуждены на четвертом Латернском соборе, созванном по инициативе папы Иннокентия III. Искоренение еретического учения было поручено специально созданной для этого инквизиции. В ходе альбигойских войн (1209–1229) и благодаря усилиям инквизиторов к XIV в. движения катаров и вальденсов прекратили существование. Подробнее об альбигойцах см.: *Осокин Н. А.* История альбигойцев и их времени: В 2 т. Казань: Университетская типография, 1869–1872; *Ольденбург З.* Костер Монсеюра: История альбигойских крестовых походов / Пер. с фр. О. И. Егоровой. СПб.: Алетейя, 2001. (Миф, религия, культура).

²⁰⁷ *Штедингги* – свободные фризские и саксонские крестьяне, переселившиеся в XI–XII вв. во владения архиепископа Бременского и занявшие земли по нижнему течению р. Везер. 17 марта 1230 г. архиепископ Бременский (1219–1258) *Герхард II Липпе* (Gerhard II. zur Lippe; ок. 1190–1258) объявил штединггов еретиками и отлучил их от церкви. В 1232–1234 гг. по инициативе папы Григория IX и Герхарда II Липпе против штединггов был организован крестовый поход, завершившийся подчинением свободных крестьян архиепископу Бременскому.

²⁰⁸ *Фландрия* – историческая область в Западной Европе, населенная фламандцами, с IX в. – графство. Она состояла из земель, в настоящее время относящихся к Бельгии, Нидерландам и Франции. С начала XIII в. во Фландрии, а потом в Германии, Италии и во Франции получили распространение *бегарды* – мужские религиозные союзы и *бегинки* – женские религиозные союзы, осуждавшиеся католической церковью. В 1311 г. они были осуждены на Вселенском соборе в Вене.

²⁰⁹ *Пётр* (Симон) († ок. 67) – христианский религиозный деятель, рыбак, один из двенадцати учеников Иисуса Христа, после смерти Иисуса Христа возглавил коллегия двенадцати апостолов. Пётр считается первым главой христианской общины в Риме. Ему приписывается авторство двух посланий, входящих в состав Нового Завета.

²¹⁰ *Карл Великий* (Carolus Magnus) (742–814) – король франков, управлявший сперва частью (768), а затем – всем государством (771), в ходе завоевательных походов значительно расширил территорию Франкского королевства, король лангобардов (774), в Риме провозглашен папой Львом III императором (800). Его именем была названа династия Каролингов, франкских королей и императоров. О нем подробнее см.: История Средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых: В 3 т. / Сост. М. М. Стасюлевич. 2-е изд. Т. II. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1887; *Карл Великий* / Сост. С. П. Мельгунов. М.: Издание Н. М. К. Н. М. К., 1890; *Беркут Л. Н.* Карл Великий и франкская образованность и литература его времени: Историографический этюд. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1912; *Левандовский А. П.* Карл Великий: Через Империю к Европе. М.: Молодая гвардия, 1999. (Жизнь замечательных людей: Серия биографий. Вып. 754); *Карл Великий: Реалии и мифы. Сборник статей* / Отв. ред. А. А. Сванидзе. М.: ИВИ РАН, 2001; *Лэмб Г.* Карл Великий: Основатель империи Каролингов / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2002. (Nomen est omen); *Хэгерманн Д.* Карл Великий / Пер. с нем. В. П. Котелкина. М.: АСТ, Ермак, 2003. (Историческая библиотека); *Эйнхард.* Жизнь Карла Великого / Вступ. статья, пер., примеч. М. С. Петровой. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. (Bibliotheca Ignatiana).

чиной была неосуществимая потребность мира и порядка. Ни римским папам, ни германским императорам не суждено было удовлетворить этой потребности, высказавшейся также и в крестовых походах²¹¹. Это движение носит двоякий характер: с одной стороны, оно было вызвано преобладанием религиозного чувства; с другой, современным состоянием европейского общества. Все тогдашние сословия с равным жаром устремились в страну, освященную земною жизнью Искупителя, и каждое несло с собою свои надежды. Каждое из них думало осуществить на той священной почве свой политический идеал. Горожане и вилланы уходили от феодального гнета; барона манила возможность создать чистое феодальное государство, не стесняясь обломками исторических учреждений, уцелевших в Европе; идеалом клирика, возложившего на себя знамение крестоносцев, было феократическое государство, не удавшееся Григорию VII²¹². Цели эти не были достигнуты. Горько обманутые в своих надеждах народы Запада перестали думать о завоевании Азии и устремили свою деятельность в другую сторону, на другие предметы. Если бы Европу XIII столетия могла привести к единству одна гениальная личность, то задача была бы скоро решена. В таких личностях не было недостатка. Вспомните о последнем императоре из дома Гогенштауфенов²¹³, о Фридрихе II²¹⁴. Это странная, можно сказать – страдавшая избытком сил, личность не нашла себе места в современной ей обстановке. Ни по идеям, ни по взгляду на жизнь Фридрих не принадлежал тому поколению, среди которого жил, и на расстоянии нескольких веков протягивал руку людям Нового времени. Отсюда произошли все его неудачи. Великий законодатель, мыслитель, воин, поэт стоял вне своей эпохи, был в ней представителем только идей отрицательных, враждебных средневековому порядку вещей. Современники ненавидели и любили его страстно, но всем без изъятия был он непонятен, всем равно внушал недоверие и страх. Я приведу здесь один многозначительный пример. Последнее войско, которое Фридрих вел в 1250 г. против Рима, состояло большею частью из арабов и других магомеданских наемников. Надобно, однако, прибавить, что и римские первосвященники в борьбе с императорами не всегда употребляли средства, дозволенные христианскому пастырю.

Среди этих воинственных и бурных поколений суждено было действовать Лудовику IX. Сравнивая с суровыми лицами других деятелей того времени задумчивый и скорб-

²¹¹ *Крестовые походы* – восемь военных походов из Западной Европы (Англия, Италия, Франция, Германия) на Восток (Палестина, Египет, Тунис) в 1096–1270 гг., организованных для освобождения христианских святынь из-под власти мусульман: первый – в 1096–1099 гг., второй – в 1147–1149 гг., третий – в 1189–1192 гг., четвертый – в 1202–1204 гг., пятый – в 1217–1221 гг., шестой – в 1228–1229 гг., седьмой – в 1248–1254 гг., восьмой – в 1270 г. К крестовым походам также относят альбигойские войны 1209–1229 гг. во Франции. О крестовых походах подробнее см.: *Успенский Ф. И.* История крестовых походов / Предисл. Н. И. Кареева, И. В. Лучицкого. СПб.: Типография акционерного общества Брокгауз-Ефрон, 1901. (История Европы по эпохам и странам в Средние века и Новое время); *Добиаши-Рождественская О. А.* Эпоха крестовых походов: (Запад в крестоносном движении): Общий очерк. Пг.: Огни, 1918; *Заборов М. А.* Крестовые походы. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. (Научно-популярная серия); *Заборов М. А.* История крестовых походов в документах и материалах. М.: Высшая школа, 1977; *Заборов М. А.* Крестоносцы на Востоке. М.: Наука, 1980; История крестовых походов: Сборник статей под ред. Дж. Райли-Смита / Пер. с англ. Е. Дорман. М.: Крон-Пресс, 1998; *Морисон С.* Крестоносцы / Пер. с фр. Е. В. Морозовой. М.: Весь мир знаний, 2003. (Весь мир знаний. История); *Тат Ж.* Крестовые походы / Пер. с фр. М. Тюриной. М.: Олимп, 2003. (Открытие. История); *Виймар П.* Крестовые походы: Миф и реальность священной войны / Пер. с фр. Д. А. Журавлевой. СПб.: Евразия, 2008. (Историческая библиотека); *Хилленбранд К.* Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива / Пер. с англ. А. Матвеева, А. Федоровского. М.; СПб.: ДИЛЯ, 2008. (Ислам: взгляд извне); *Брандедж Дж.* Крестовые походы / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2011.

²¹² *Григорий VII* (Gregorius VII) (между 1015 и 1020–1085) – итальянский религиозный и политический деятель, писатель, в миру *Гильдебранд Альдобрандесчи ди Соана* (Hildebrando Aldobrandeschi di Soana), монах в аббатстве Клуни, советник папы (1059–1061), римский папа (1073–1085). В трактате «Диктат папы» (1075) он отстаивал идею теократии: подчинения светской власти духовной. В 1606 г. Григорий VII был причислен к лику святых.

²¹³ *Гогенштауфены* (Hohenstaufen) – немецкий княжеский род, берущий начало от Фридриха Бюренского, жившего в середине XI в.; герцоги Швабии (1079–1268). С 1138 по 1254 г. Гогенштауфены были императорами Священной Римской империи.

²¹⁴ *Фридрих II* (Friedrich II) (1194–1250) – король Сицилии (1197), германский король (1212), император Священной Римской империи (1220) из рода Гогенштауфенов, руководитель VI крестового похода в Палестину (1228–1229).

ный лик Лудовика, мы невольно задаем себе вопрос об особенном характере его деятельности. В чем заключалась тайна его влияния и славы? В великих ли дарованиях? Нет. Многие из современников не только не уступали, но превосходили его дарованиями. В великих ли успехах и счастье? Нет. Дважды, при Мансуре²¹⁵ и под Тунисом²¹⁶, похоронил французский король цвет своего рыцарства. В новых ли идеях, которых он был представителем? Но он не внес никаких новых идей в государственную жизнь Франции, а, напротив, употребил все свои силы на поддержание и укрепление существовавших до него учреждений. Значение его было другого рода. Позвольте мне рассказать Вам одно, исполненное дивной красоты средневековое сказание. Это сказание о Святой чаше (Gaal²¹⁷). У Иосифа Аримафейского²¹⁸ была драгоценная, выдолбленная им из цельного камня чаша: из нее, говорит сказание, вкушал Спаситель последнюю земную пищу свою за Тайною вечерею; в нее же пролилась Божественная кровь со креста. Около этой таинственной чаши совершается непрерывающееся чудо. Человек, смотрящий на нее, не стареется, не знает земных немощей и не умирает, хотя бы сладостное созерцание продолжалось двести лет, говорит легенда. Но доступ к чаше труден: он возможен только высочайшему целомудрию, благочестию, смирению и мужеству, одним словом, высшим доблестям, из которых сложился нравственный идеал Среднего века. Таковы должны быть блюстители «Граля». Молитва и война составляют их призвание и подвиг в жизни, но война священная, за веру, а не из суетных житейских целей. В стремлении приблизиться к такому идеалу западная церковь облагородила феодализм до рыцарства и соединила последнее с монашеством в известных орденах тамплиеров²¹⁹, странноприимцев²²⁰ и других, возникших в эпоху крестовых походов. Но всякий орден есть общество,

²¹⁵ Мансур (Мансура, Эль-Мансура) – египетский город, располагающийся в северо-восточной части дельты р. Нил. В 1250 г. крестоносцы безуспешно пытались захватить город. Во время штурма Мансуры погибло около 300 рыцарей, в том числе и брат короля Роберт I Храбрый и Добрый. В настоящее время Эль-Мансура входит в состав мухафазы (провинции) Дакахлия Арабской Республики Египет.

²¹⁶ Во время похода в Тунис летом 1270 г. многие крестоносцы умерли от голода, дизентерии, чумы и лихорадки. В августе 1270 г. заболел Людовик IX. Узнав о болезни короля, многие рыцари бежали во Францию.

²¹⁷ *Graal – Грааль (старофр.)*. Подробнее о Святом Граале см.: *Дашкевич Н.* Сказание о Св. Грале. Киев: Университетская типография, 1877. (Из истории средневекового романтизма. Сказания, легшие в основу бретонских романов, и новейшие относительно их гипотезы); *Дашкевич Н.* Литература Святого Граля за последние годы (1876–1888). Киев: Типография университета Св. Владимира, 1888; *Веселовский А. Н.* Где сложилась легенда о Святом Грале? СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1900; *Вольфрам фон Эшенбах.* Парцифаль / Пер. Л. Гинзбурга // Средневековый роман и повесть / Вступ. статья и примеч. А. Д. Михайлова. М.: Художественная литература, 1974. (Библиотека всемирной литературы. Серия I. Т. 22); *Майер Р.* В пространстве – время здесь: История Граля / Пер. с нем. В. и М. Витковских. М.: Энигма, 1997. (История духовной культуры); *Робер де Борон.* Роман о Граале / Вступ. статья Е. В. Витковского; пер. Е. Кассировой. СПб.: Евразия, 2005; *Кретьен де Труа.* Персеваль, граф Граля / Предисл. В. Татаринова; пер. со старофр. Д. Вишневого; поэт. вставки И. Евсы. М.: Эксмо, 2006. (Антология мудрости); *Кокс С., Оксбрау М.* Король Артур и Святой Грааль от А до Я / Пер. с англ. И. В. Лобанова. М.: АСТ, 2008. (Историческая библиотека).

²¹⁸ *Иосиф Аримафейский* (Йосеф из Рамота) – еврейский религиозный и политический деятель, фарисей, член Синедриона, который, согласно четвероевангелию, после смерти Иисуса Христа испросил разрешения снять его с креста и похоронил по иудейскому обычаю в пещере, подготовленной для собственной могилы.

²¹⁹ *Орден тамплиеров, Орден Нищенствующих рыцарей Христа и Храма Соломона* (L'ordre du Temple; Ordo Pauperes commilitones Christi Templique Solomonici) – католический духовно-рыцарский орден, основанный в Иерусалиме в 1119 г. французскими рыцарями во главе с Гуго де Пейном (Hugues de Payns; 1070–1136). В 1128 г. был принят устав ордена. Благодаря многочисленным привилегиям, дарованным в 1139 г. папой Иннокентием II, Орден Нищенствующих рыцарей Христа и Храма Соломона быстро превратился в крупную и богатую военно-политическую организацию. В 1312 г. папа Климент V объявил тамплиеров еретиками и распустил орден. Подробнее см.: *Мельвиль М.* История ордена тамплиеров / Пер. с фр. Г. Ф. Цыбулько. СПб.: Евразия, 1999. (Clio).

²²⁰ *Орден странноприимцев* (Орден госпитальеров, Мальтийский орден), *Суверенный военный Орден госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского, Родосский и Мальтийский* (L'ordre de l'Hôpital, L'ordre de Malte, L'ordre souverain militaire hospitalier de Saint-Jean de Jérusalem, de Rhodes et de Malte) – католический духовно-рыцарский орден, основанный в Иерусалиме около 1080 г. *Жераром Тенкэ* (Gérard Tenque; ок. 1040–1120), богатым купцом из прованского городка Амальфи. В 1113 г. папа Пасхалий II утвердил устав ордена, который после 1118 г. превратился в военно-монашескую организацию. После изгнания крестоносцев из Палестины члены ордена перебрались на Кипр, а в начале XIV в. основали государство на о. Родос. С 1530 по 1798 г. Орден госпитальеров базировался на о. Мальта. Подробнее см.: *Печникова Р. Ю.* Мальтийский орден в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1990; *Захаров В. А.* Мальтийский орден: История и современность: [В 2 т.]. М.:

следовательно, нечто безличное, отвлеченное, и потому нравственная мысль Средних веков не могла быть вполне удовлетворена военно-духовными братствами, в которых отдельная личность постоянно стояла ниже возлагаемых на нее требований и как бы оправдывала собственную немощь заслугами целого ордена. С другой стороны, нам известно, как рано изменили эти ордена своему первоначальному назначению и поддались искушениям политического могущества и светских наслаждений. Примером могут служить тамплиеры. Идеалу средневековой доблести суждено было воплотиться в лице Лудовика IX.

Лудовик был воспитан умною и строгою матерью своею, Бланкою Кастильской²²¹. Все четыре сына²²² ее получили одно воспитание; но природные наклонности взяли верх, и юноши вступили в жизнь с разными характерами. У них была, впрочем, одна общая черта, состоявшая в глубоком благочестии. Но у Карла Анжуйского²²³ даже это высокое свойство обнаруживалось в какой-то жестокой и мрачной форме. Современники почти единогласно говорят об его задумчивом и суровом нраве. По словам Дж. Виллани²²⁴, он почти не спал, мало ел и никогда не улыбался. Между памятниками, изображающими время и личность Лудовика IX, особенно замечательны два, из которых я заимствовал большую часть подробностей предлагаемой Вам характеристики. Я говорю здесь о «Записках Жуанвиля»²²⁵ и «Жизни Св. Лудовика», написанной духовником²²⁶ королевы Маргариты²²⁷. Главная прелесть и оригинальность Жуанвилевых рассказов заключается в резко выдающейся противоположности между повествователем и его героем. Жуанвиль был храбрый рыцарь и по тогдашнему времени довольно начитанный человек, с простым и даже несколько прозаическим взглядом на жизнь. Тем поразительнее для внимательного читателя тот поэтический отпечаток, которым, вероятно, без воли и ведома автора, отличается его сочинение. Жуанвиль простодушно рассказывает все виденное им в бытность его при Лудовике; но поэзия

Огни, 2003.

²²¹ *Бланка Кастильская* (Blanche de Castille) (1188–1252) – французская королева, дочь кастильского короля Альфонса VIII Победоносного, с 1200 г. жена короля Людовика VIII Льва (1187–1226) из династии Капетингов, мать короля Людовика IX, управлявшая государством при малолетнем сыне (1226–1236) и во время VII крестового похода (1248–1252).

²²² Заразившись дизентерией во время похода против альбигойцев, Людовик VIII Лев умер 8 ноября 1226 г. в возрасте 40 лет. У него было 12 или 13 детей. К 1225 г. в живых из них осталось только пятеро: *Людвиг IX* – второй сын Людовика VIII и Бланки Кастильской; *Роберт I* (Robert I) *Храбрый и Добрый* (1216–1250) – граф д'Артуа (1237), участник VII крестового похода в Египет, основатель династии Артуа, просуществовавшей до 1452 г.; *Жан* (Jean) (1219–1232) – граф Анжу и Мена (1226); Альфонс (Alphonse) (1220–1271) – граф Пуатье (1241) и Тулузы (1249); *Изабелла Благословенная* (Изабелла Французская) (Isabelle de France) (1225–1270) – основательница и аббатиса францисканского монастыря в Лоншане, канонизирована в 1521 г. папой Львом X.

²²³ *Карл I Анжуйский* (Charles I d'Anjou) (1226/1227 – 1285) – сын французского короля Людовика VIII, граф Анжу и Мена (1246), король Сицилии (коронован в 1266; 1268–1282) и Неаполя (1282–1285) из династии Капетингов, участник VIII крестового похода в Тунис (1270), основатель Анжуйско-Сицилийской династии.

²²⁴ *Виллани* (Villani) *Джованни* (ок. 1276 или 1280–1348) – итальянский государственный деятель, дипломат, историк, член правительства Флорентийской республики (1316–1317, 1321), автор «Новой хроники» («Nuova Cronica»). См.: *Виллани Дж.* Новая хроника, или История Флоренции / Пер., статья и примеч. М. А. Юсима. М.: Наука, 1997. (Памятники исторической мысли).

²²⁵ *Жуанвиль* (Joinville) *Жан де* (ок. 1224–1318) – французский военный и политический деятель, историк, сенешаль графства Шампань, участник VII крестового похода (1248–1254), советник короля Людовика IX (1248–1272), автор «Книги благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика» («Le livre des saintes paroles et des bons faiz nostre roy saint Looys», 1309), составленной по просьбе королевы *Жанны I Наваррской* (Jeanne I de Navarre; 1271–1305), супруги французского короля *Филиппа IV Красивого* (Philippe IV Le Bel; 1268–1314), и преподнесенной в дар ее сыну *Людвигу X Сварливому* (Louis X Le Querelleur; 1289–1316), королю Наварры (1305–1316) и Франции (1314–1316). См.: *Жан де Жуанвиль.* Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. со старофр. Г. Ф. Цыбулько под ред. Ю. П. Малинина и А. Ю. Карачинского. СПб.: Евразия, 2012. (Сlio).

²²⁶ Подразумевается *Сен-Патю* (Saint-Pathus) Гийом де (1250–1315) – монах-францисканец, духовник королевы Маргариты Прованской (1277–1295), автор «Жития Людовика Святого» («Vie de Saint Louis par Guillaume de Saint-Pathus, le confesseur de la Reine Marguerite»).

²²⁷ *Маргарита Прованская* (Marguerite de Provence) (1221–1295) – старшая дочь прованского графа Раймона-Беренгари IV, с 1234 г. жена Людовика IX.

предмета согрела его фразу, сообщила ей красоту и порою возвышенность, каких не было в природе самого повествователя. Я думаю, что отношения короля к сенешалу²²⁸ Шампани²²⁹ нельзя лучше объяснить, как следующим анекдотом. Однажды Лудовик, поучая беседу верного служителя, спросил у него: «Что бы ты предпочел, смертный грех или проказу?» «Лучше тридцать грехов, чем проказу», – поспешно отвечал рыцарь, к крайней печали благочестивого государя²³⁰. Жуанвила нельзя, однако, упрекнуть в недостатке религиозного чувства, но он был не в состоянии подняться до той высоты, на какой стоял причисленный западной церковью к лику святых король французский²³¹. Читая дошедшие до нас биографии последнего, нельзя не спросить себя, где находил он время для управления государством? Ежедневно посещал он все божественные службы, проводил значительную часть дня в одинокой и горячей молитве, немилосердно бичевал себя, читал творения Святых Отцов, охотно беседовал с учеными богословами и вообще с людьми, посвятившими себя науке. Он поверял им свои сомнения и требовал от них разрешения вопросов, смущавших его душу. Но не в одних молитвах и благочестивых беседах высказывалось глубоко религиозное настроение этой души. Нужно ли говорить о его щедрости к бедным, о его частых посещениях больниц, о выстроенных им храмах²³²? Не без ужаса рассказывают современники о бедствиях, поразивших крестоносцев в Египте²³³. Испорченные, отвратительные видом и запахом трупы умерших от язвы воинов остались бы непогребенными на чужой земле, ибо испуганное духовенство отказывало им в последнем христианском обряде. Король собственным примером пристыдил малодушных и заставил их исполнять тяжкий долг, присутствуя лично при каждом отпевании. Тела умерших братий не внушали ему омерзения. Вам, вероятно, известно, как сильно свирепствовала в Средние века страшная болезнь, которую называют проказою. Люди, пораженные этим недугом, навсегда отлучались от общества; церковь разрывала посредством особенного обряда их связи с остальным миром; жилища, где их обыкновенно содержали, были предметом общего страха. Но Лудовик не разделял и в этом случае общего чувства: он ходил за прокаженными и собственными руками омывал их язвы. Я мог бы привести несколько примеров такого рода, но боюсь, что Вам трудно будет выслушать без содрогания простое описание этих дел царственного подвижника. Зато западные народы предупредили римского первосвященника и еще при жизни Лудовика назвали его Святым. Слава его не ограничилась, впрочем, Западною Европою; она проникла на Восток: послы из Армении²³⁴ приходили в лагерь крестоносцев и просили о дозволении видеть святого короля²³⁵.

²²⁸ *Сенешал, сенешаль* – с XIII в. на юге и западе Франции: государственный чиновник, наделенный административными, военными, судебными и финансовыми полномочиями.

²²⁹ *Шампань* – историческая область на северо-востоке Франции. Со второй половины IX в. на территории Шампани существовало графство, которое в 1284 г. вошло в состав французского королевства. В настоящее время Шампань входит в состав региона Шампань-Арденны Французской Республики.

²³⁰ См.: *Жан де Жуанвиль*. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Лудовика / Пер. со старофр. Г. Ф. Цыбулько; под ред. Ю. П. Малинина и А. Ю. Карачинского. СПб.: Евразия, 2012. (Clio). С. 14.

²³¹ Процесс канонизации Лудовика IX был начат в 1273 г. по инициативе французского короля *Филиппа III Смелого* (Philippe III Le Hardi; 1245–1285) и завершился в 1297 г., когда папа Бонифаций VIII провозгласил его святым.

²³² В 1228 г. по инициативе Лудовика IX и Бланки Кастильской в 35 км от Парижа было основано аббатство Руаймон, переданное затем монахам Цистерцианского ордена, в 1230 г. – аббатство Нотр-Дам де ла Соссэ близ Немура, в 1242 г. – аббатство Мобюиссон близ Понтуаза, в 1248 г. – аббатство Нотр-Дам-дю-Ли возле г. Мелена. При участии короля в 1231 г. переделали церковь Сен-Дени, а в 1242–1248 гг. в Париже построили часовню Сен-Шапель для хранения тернового венца Иисуса Христа и частицы его креста, переданной французскому королю Бодуэном II, византийским императором. В 1257 г. Лудовик IX основал доминиканский монастырь в Компьене, а в 1263 г. – в Канне. См. также: *Жан де Жуанвиль*. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Лудовика / Пер. со старофр. Г. Ф. Цыбулько; под ред. Ю. П. Малинина и А. Ю. Карачинского. СПб.: Евразия, 2012. (Clio). С. 168–170.

²³³ О походе в Египет Лудовика IX Святого см.: История Средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых: В III т. / Сост. М. М. Стасюлевич. 2-е изд. Т. III. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1887. С. 694–703.

²³⁴ Подразумевается королевство Армения (Киликийская Армения) в Малой Азии – государство, созданное в 1080 г.

Посмотрим на Лудовика IX с другой стороны. Мы увидим, что вся жизнь его, во всех ее направлениях, проникнута одним глубоким и горячим чувством христианской правды. Поставленный среди воинственных поколений, для которых высшею целью деятельности была военная слава, Лудовик не любил войны. Он не отличался той блестящею, без нужды вызывавшею опасность отвагою, которая составляла одну из принадлежностей рыцарства; его мужество было спокойное и холодное. Оно вытекало из обдуманного убеждения и не было следствием страсти. Первые войны свои он вел с англичанами и мятежными вассалами²³⁶. Лудовик одолел и тех, и других, восстановил нарушенные права свои, но довольствовался непосредственным результатом победы и не подумал о распространении власти или владений. Еще менее могла соблазнить его возможность отомстить врагам. С ранних лет мысль его была занята войнами в Палестине, где христианскому рыцарю открывалось поприще, вполне достойное его подвигов. Я не буду повторять всем известных подробностей о его крестовых походах; но есть черты, которых нельзя пропустить, потому что они проливают яркий свет на характер великого короля. В то время, когда бедствия крестоносцев в Египте достигли до высочайшей степени и не было более спасения войску, запертому между Нилом и мамелюками²³⁷, Лудовик отказался от предложенного ему средства возвратиться одному в крепкую Дамиету²³⁸, где его ожидала совершенная безопасность. В плену у мамелюков, среди ужасов и страданий всякого рода, он один из всех французских рыцарей сохранил полное спокойствие и ясность духа²³⁹. Вскоре после поражения крестоносцев мамелюки восстали на своего султана²⁴⁰, убили его и с дикими воплями бросились к своим пленникам. Один из убийц показал Лудовику вырванное у погибшего султана сердце и спросил: «Что дашь ты мне за сердце врага твоего?» Король молча отвернулся²⁴¹. Прочие христиане думали, что настал их последний час, и готовились к смерти. Жуанвиль откровенно признается, что не мог произнести должного покаяния, потому что не мог от страха припомнить ни одного греха. «По той же причине не помню я ничего из сказанного мне тогда конетаблем²⁴² Кипрским²⁴³», – прибавляет простодушный биограф Лудовика IX²⁴⁴. Есть сказание, достоверность которого подлежит сомнению, но любопытное, как выражение народной мысли. В Европе разнесся слух, что мамелюки, убив своего султана, предложили его

князем *Рубеном I* (1025–1095) и просуществовавшее до 1375 г.

²³⁵ См.: *Жан де Жуанвиль*. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Лудовика / Пер. со старофр. Г. Ф. Цыбулько; под ред. Ю. П. Малинина и А. Ю. Карачинского. СПб.: Евразия, 2012. (Clio). С. 39–40.

²³⁶ См.: Там же. С. 23–34.

²³⁷ *Мамелюки, мамлюки* – гвардия египетских правителей из династии Айюбидов (1171–1250), сформированная из невольников: тюрок, грузин и черкесов.

²³⁸ *Дамиета – Думьят* (Тамиат, Дамиетта) – город, располагающийся в Нижнем Египте, в дельте р. Нил. Летом 1249 г. войско крестоносцев захватило Дамиетту и удерживало город 11 месяцев. В 1250 г. Лудовик IX попал в плен и был освобожден лишь после того, как уступил Дамиетту мусульманам. В настоящее время город является административным центром мухафазы (провинции) Думьят Арабской Республики Египет.

²³⁹ О пребывании Лудовика IX в плену и о его освобождении см.: История Средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых: В 3 т. / Сост. М. М. Стасюлевич. 2-е изд. Т. III. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1887. С. 689–694.

²⁴⁰ 2 мая 1250 г. мамелюки под руководством эмира Актая свергли султана Туран-шаха из династии Айюбидов и захватили власть в Египте.

²⁴¹ Ср.: *Жан де Жуанвиль*. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Лудовика / Пер. со старофр. Г. Ф. Цыбулько; под ред. Ю. П. Малинина и А. Ю. Карачинского. СПб.: Евразия, 2012. (Clio). С. 85.

²⁴² *Конетабль – Коннетабль* – военный советник короля, наделенный судебными, административными и финансовыми полномочиями, начальник королевских рыцарей во Франции.

²⁴³ *Ги д'Ибелен* (Guy d'Ibelin) (между 1250 и 1255–1304) – маршал, коннетабль Кипра, граф Яффы и Аскалона (1276–1304), сын юриста, участника крестовых походов, графа Яффы и Аскалона (1244–1266) *Жана д'Ибелена* (Jean d'Ibelin; 1215–1266), автора сборника «Иерусалимских законов», действовавших на Кипре с 1368 по 1489 г.

²⁴⁴ Ср.: *Жан де Жуанвиль*. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Лудовика / Пер. со старофр. Г. Ф. Цыбулько; под ред. Ю. П. Малинина и А. Ю. Карачинского. СПб.: Евразия, 2012. (Clio). С. 85–86.

место Лудовику IX²⁴⁵. На возвратном пути с Востока галера²⁴⁶, на которой плыл французский король, потерпела значительные повреждения и подверглась большой опасности. На помощь ей подоспела другая галера. Король прежде всего спросил, есть ли на новом судне место и для других, бывших с ним пассажиров? Получив отрицательный ответ, он остался на поврежденной галере. «Я знаю, – сказал он, – что, спасши меня и семейство мое, Вы не будете заботиться об остальных моих спутниках»²⁴⁷. Понятно, почему народ заживо называл его святым. Последнее военное предприятие его было направлено против Туниса²⁴⁸. Лудовик был болен и так слаб еще до начала похода, что едва мог держаться на коне. Жуанвиль часто должен был носить его на руках. Но несчастья, испытанные в Египте, произвели, по-видимому, неизгладимое впечатление на храброго сенешала: он не принимал участия в африканском походе и не был свидетелем кончины Лудовика²⁴⁹, умершего под стенами Туниса²⁵⁰. Сказанного мною будет, полагаю я, достаточно для определения характера, какой носила военная деятельность Лудовика IX. Он был рыцарь в самом возвышенном, идеальном значении этого слова, и полагал конечною целью войны торжество истинной веры и восстановление нарушенного права.

Политическая деятельность Лудовика IX не раз подвергалась не только нареканию, но и насмешкам. В самом деле, эта деятельность не может не показаться странною, если мы будем разбирать ее с точки зрения обыкновенного житейского благоразумия, определяющего достоинство поступков их непосредственным успехом или неудачею. Внук Филиппа Августа²⁵¹ начал с того, что усомнился в законности своих прав и подверг их строгому испытанию. Предшественники его не могли быть очень разборчивы в выборе средств и пользовались всяким удобным случаем к утверждению своей власти. Лудовик предложил себе вопрос, на каком основании Капетинги²⁵² владели землями, перешедшими к ним от других владельцев? Более всего тревожило его сомнение относительно областей, отнятых его дедом у Иоанна Безземельного²⁵³. Он положил конец этой внутренней тревоге договором 1258 года²⁵⁴, по которому добровольно возвратил сыну Иоаннову, Генриху III²⁵⁵, четыре богатые провинции. На возражения своих советников Лудовик отвечал, что он отказывается от этих провинций, потому что они незаконно ему достались и для того, чтобы Генрих был

²⁴⁵ См.: Там же. С. 88.

²⁴⁶ *Галера* – военное деревянное судно с одним рядом весел и двумя мачтами, изобретенное венецианцами в VII в.

²⁴⁷ Ср.: *Жан де Жуанвиль*. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Лудовика / Пер. со старофр. Г. Ф. Цыбулько; под ред. Ю. П. Малинина и А. Ю. Карачинского. СПб.: Евразия, 2012. (Сlio). С. 11.

²⁴⁸ Крестовый поход в Тунис был начат в июле 1270 г. и завершился после смерти французского короля. О походе Лудовика IX Святого в Тунис и его смерти см.: История Средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых: В III т. / Сост. М. М. Стасюлевич. 2-е изд. Т. III. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1887. С. 703–708.

²⁴⁹ Лудовик IX умер 25 августа 1270 г.

²⁵⁰ См.: *Жан де Жуанвиль*. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Лудовика / Пер. со старофр. Г. Ф. Цыбулько; под ред. Ю. П. Малинина и А. Ю. Карачинского. СПб.: Евразия, 2012. (Сlio). С. 172.

²⁵¹ *Филипп II Август* (Philippe II Auguste) (1165–1223) – французский король из династии Капетингов (1180–1223), один из руководителей III крестового похода в Палестину (1189–1192), дед Лудовика IX. В 1202–1204 гг. Филипп II Август отвоевал у английского короля Иоанна Безземельного часть его владений во Франции (Нормандию, Мен, Анжу, часть Пуату и Турень).

²⁵² *Капетинги* (Capetingi) – династия французских королей, правившая с 987 по 1328 г.

²⁵³ *Иоанн Безземельный* (John Lackland) (1167–1216) – английский король, герцог Аквитании из династии Плантагенетов (1199–1216), в 1209 г. низложенный римским папой Иннокентием III, а в 1213 г. признавший себя вассалом папы.

²⁵⁴ О мирном договоре, заключенном Лудовиком IX Святым с английским королем Генрихом III см.: *Жан де Жуанвиль*. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Лудовика / Пер. со старофр. Г. Ф. Цыбулько; под ред. Ю. П. Малинина и А. Ю. Карачинского. СПб.: Евразия, 2012. (Сlio). С. 159–160.

²⁵⁵ *Генрих III* (Henry III) (1207–1272) – английский король из династии Плантагенетов (1216–1272), герцог Аквитании, сын Иоанна Безземельного. В 1235 г. Генрих III женился на *Алиеноре Прованской* (Éléonore de Provence) (1223–1291), младшей дочери прованского графа Раймона-Беренгария IV.

ему настоящим ленником²⁵⁶. Чтобы понять глубокий смысл этого ответа, надобно составить себе ясное понятие о роде отношений, существовавших между феодальным господином и его вассалом. Ленная связь состояла не из одних юридических условий, но заключала в себе чисто нравственное начало обоюдной верности и любви. Отсюда происходили частые нарушения этой связи, которую Лудовик хотел поднять до ее высшего духовного значения. Разумеется, что такое идеальное стремление не могло быть всеми понято по достоинству и встретило много порицателей среди общества, привыкшего к насилию. Стоит заглянуть в песни трувера Рютбёфа²⁵⁷. Даже в глазах простого народа кротость благочестивого государя принимала иногда вид слабости. «Ты не король, а монах», – сказала однажды Лудовику женщина, получившая отказ на какую-то незаконную просьбу. Жители возвращенных Генриху III областей не могли простить Лудовику этой уступки и долго не признавали установленное в честь его западную церковью праздника²⁵⁸. Замечательно также враждебное отношение к нему скептической, проникнутой античными стихиями Италии. Граждане Флоренции явно обнаружили неприличную христианам радость при получении известий о поражении и плене крестоносцев под Мансурю. Но огромное большинство европейского населения глубоко чтит Лудовика, хотя, вероятно, не в состоянии было вполне оценить всю чистоту и все бескорыстие его намерений.

Лудовик IX обратил особенное внимание на судебное устройство Франции²⁵⁹. Нигде не обнаруживались так ясно недостатки феодального государства, как в этой сфере. Коренное, основанное на глубоком разделении сословий начало средневекового суда было очень просто: каждый должен быть судим судом своих перов²⁶⁰, т. е. людей, равных ему по происхождению. Дела вассалов разбирались при дворе их ленного господина и под его председательством, судом, составленным из перов истца и ответчика. Но бароны неохотно исполняли эту часть своих феодальных обязанностей и уклонялись от судебных съездов, сопряженных с разными неудобствами и даже опасностью. Недовольный приговором подсудимый нередко вызывал на поединок не только противника, но свидетелей и судей. Большая часть тяжб решалась судебным поединком, который взял верх над всеми другими доказательствами. Лудовик запретил прибегать к этому средству в собственных и в церковных владениях. Власть феодальных судов была ограничена определением тех случаев, которые исключительно подлежали разбору судов королевских. Сверх того, лица, недовольные решением местных феодальных судов, получили право жалобы, т. е. апелляции в суды королевские. Если бы кто-нибудь из первых Капетингов задумал такое нововведение, то встретил бы упорное, вероятно, неодолимое сопротивление. Исчисленные мною меры Лудовика не вызвали, однако, сильного противодействия, потому что он лично внушал неограниченное доверие, и никто не подозревал его в честолюбивых расчетах, в намерении усилить власть свою к ущербу других. В тесной связи с судебным поединком находилось право феодальной войны. Когда два владельца ссорились между собою и начинали войну, то в ней обыкновенно принимали участие все их родственники и друзья. Таким образом, мелкая распря, вспыхнувшая на одном конце Франции, немедленно отзывалась на другом. Король постановил, приводя,

²⁵⁶ *Ленник* – владелец лена (земельного надела), получивший его на условиях несения военной или административной службы.

²⁵⁷ *Рютбёф* (Rutebeuf) (ок. 1230–1285) – французский поэт и драматург, автор лирических и сатирических стихотворений, религиозных драм, гимнов и молитв, дидактических и сатирических сказаний.

²⁵⁸ День памяти Людовика Святого отмечается 25 августа.

²⁵⁹ Об административно-правовой реформе Людовика IX Святого см.: *Жан де Жуанвиль*. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. со старофр. Г. Ф. Цыбулько; под ред. Ю. П. Малинина и А. Ю. Карачинского. СПб.: Евразия, 2012. (Clio). С. 163–168.

²⁶⁰ *Перы* – *Пэры* – во Франции: первоначально вассалы короля, наделенные привилегией суда равных себе, позднее – вплоть до 1789 г. и с 1814 по 1848 г. – духовные и светские члены высшего дворянства, обладавшие особыми политическими правами.

кажется, в исполнение мысль, принадлежавшую его деду, чтобы отныне между поводом к войне и ее началом протекало 40 дней (*la quarantaine du roi*²⁶¹); нарушитель постановления подлежал наказанию, как государственный изменник. Этим не ограничился законодатель: он предоставил каждому члену феодального сословия право обращаться прямо к верховной власти в случае предстоявшей ему борьбы с противником более сильным или богатым. Разумеется, такой переворот в укоренившихся привычках средневековой аристократии не мог совершиться разом: для этого нужно было много времени и много усилий, но Лудовик IX подал пример, от которого не отступали более его преемники. Его постановления относительно судебных поединков и частных войн легли в основание позднейшего законодательства. Помощниками Лудовика в этих преобразованиях были пользовавшиеся его особенным уважением и доверием ученые юристы. Преобразования, которых они были виновниками, конечно, не входили в виды короля, думавшего только об облагорожении и прочнейшем утверждении феодальных учреждений большею правдою и нравственностью. Он знал, что рыцари плохие судьи, и заменял их по возможности людьми, изучавшими право как науку. Последствия обнаружились уже по смерти Лудовика. Выведенные им на поприще практической деятельности юристы составили целое сословие, неприязненное идеям и формам Среднего века. Они противопоставили строго логические и общеприложимые определения римского права местным и своенравным обычаям, которые развились в основанных германцами государствах Западной Европы. Они засудили средневековое папство в лице Бонифация VIII²⁶², духовное рыцарство – в тамплиерах. Феодальное дворянство и община равно испытали их влияние. Судьба французских юристов XIV и XV столетий не лишена некоторого трагического величия и поэзии. Стараясь создать крепкую и стройную монархию по образцу Римской империи, они должны были вести постоянную и жестокую борьбу с непривычными подчинять себя государственным целям силами феодально-общинного мира. Почти каждый новый король принужден был жертвовать вернейшими советниками своего предшественника ненависти вассалов, смутно понимавших, что дело шло об их независимости. Но упраздненные таким образом места в совете и судах королевских недолго оставались порожними. Сын казненного клерка смело садился на место отца и действовал в том же духе и направлении, не заботясь, по-видимому, о предстоявшей ему участи. Лудовик IX не мог предвидеть политического значения, какое получили впоследствии юристы римского права, и дорожил только их судебною деятельностью. Не считаю нужным повторять Вам слишком известный рассказ Жуанвиля о том, как король, окруженный мужами, опытными в науке права, сам решал тяжбы своих подданных и произносил приговоры под знаменитым Венсенским дубом²⁶³. Король и правда сделались в то время однозначными словами для Франции. В целом государстве, кроме его, не было нелицеприятного судьи, потому что он один стоял вне, или, лучше сказать, выше всяких корыстных стремлений. Идея монархической власти облекалась в нравственное сияние неподкупного правосудия.

²⁶¹ *La quarantaine du roi* – королевский карантин (фр.).

²⁶² *Бонифаций VIII* (Bonifacius VIII) (1235–1303) – итальянский религиозный и политический деятель, юрист, дипломат, в миру *Бенедетто Каэтани* (Benedet o Caetani), апостольский нотариус, кардинал (1281), римский папа (1294–1303), сторонник теократической концепции папской власти.

²⁶³ *Венсенн* – город, основанный в XII в. и располагавшийся к востоку от Парижа, рядом с Венсенским лесом, где были замок и охотничьи угодья французских королей. В настоящее время Венсенн является юго-восточным пригородом Парижа. Город входит в состав департамента Валь-де-Марн региона Иль-де-Франс Французской Республики. Согласно Жану де Жуанвилю, Лудовик IX лично занимался рассмотрением судебных тяжб, сидя под дубом в Венсенском лесу. См.: *Жан де Жуанвиль*. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Лудовика / Пер. со старофр. Г. Ф. Цыбулько; под ред. Ю. П. Малинина и А. Ю. Карачинского. СПб.: Евразия, 2012. (Clio). С. 21–22.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.